

Евсения
МЕДВЕДЕВА

НАСТОЯЩИЙ ПОЛКОВНИК

или

ПРИТВОРИСЬ

Моей женой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евсения Медведева

**Настоящий полковник или
притворись моей женой**

«Автор»

2026

Медведева Е.

Настоящий полковник или притворись моей женой /
Е. Медведева — «Автор», 2026

— Эй, майорша, твоё бельишко на верёвке – это провокация. И она дурно влияет на моё либидо, — зацокал языком столичный зазнайка, опираясь о невысокий заборчик. Он даже не пытался замаскировать свой липкий похотливый взгляд.— А твоё лицо – повод для задержания. И вообще, это оберег от наглых прокуроров! Чур меня, — цыкнула знойная красотка и ловко махнула топором, раскалывая полено в щепки. — И хватит пялиться на мою задницу, Ломов!— О! Мы уже на «ты»? Так и до свадьбы недалеко. — Мечтай, Ломов! К тому же, сам сказал — проблемы у тебяМ-м-м-м Майор Котёночкина.... Она и задержание проведет, и наручниками к своему шикарному телу прикует, и в фантазиях поселится.Опасная штучка!Он – наглый столичный ревизор в дорогом костюме, свалившийся на мою голову. Грубый, дерзкий, упрямый Так еще и поселился в соседнем доме!И, кажется, это война на любовь

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Евсения Медведева

Настоящий полковник или притворись моей женой

Пролог

— Дядь, а вам жена не нужна? — пацан лет шестнадцати был пристегнут наручниками прямо к решётке камеры временного содержания, в которой я чалился уже третий час...

— Братец, а тебя задержали за незаконную торговлю мамами? — я грохнул от смеха, переключив внимание на внезапного соседа, которого привели несколько минут назад. — У тебя мамка лишняя, что ли?

— Слава Богу, одна... Я бы двух не вытерпел! — парнишка со злостью толкнул стул на колёсиках как раз в тот момент, когда грузный капитан хотел присесть за стол.

Коротконогий пухляк с таким грохотом рухнул под стол, а бесполезная попытка удержать равновесие привела к ещё большему коллапсу. Кусок оргстекла со стола взмыл в воздух и легким полётом бешеного бумеранга ударился о стеклянную перегородку кабинета начальника участка...

Воздух взорвался осколками, опадая на крашеный рыжей краской дощатый пол.

— Мотя!!!! — взревел капитан, елозя по полу в попытке подняться.

— Булка, я бы тебе помог, честное слово, — пацан ржал, даже не пытаясь замаскировать ехидство, а ещё он звонко бряцал наручниками, будто в этом дурдоме было слишком тихо. — Но ты же сам приковал меня. А ведь я несовершеннолетний, а ордера на арест у тебя нет. Думаешь, тебя за это по головке погладят?

— Мотя, вот мать придёт, с неё ордер и требуй! Она приказала задержать тебя, я исполнил!

— Булка, ты вечно будешь капитаном, оправдывающим своё прозвище. Булка! Булка! — пацан дразнил капитана, пользуясь то ли какой-то привилегией, то ли очевидной добротой пузана.

Капитан мало походил на сотрудника полиции. Рубаха была натянута вокруг его пуза, грозя убить выстрелом пуговицы в любой момент. Возраст Булки определить было сложно — ровное лицо с пунцовыми от румянца щеками, редкая бородёнка и бегающие пороссячы глазки.

— Японский городской, — прошептал капитан, с ужасом осматривая пол, усыпанный осколками. — Хана нам, Мотя.

— Нам? Три «ха-ха»! Булка, а ведь камер тут нет... Мать придёт, я скажу, что это ты сделал! Чихнул, и стеклышко разлетелось, — пацан резко потерял интерес к завывающему от ужаса мужику и снова обернулся ко мне. — Ну, так что? Кольца на тебе нет, а значит, свободен. Лицо незнакомое — значит, приезжий. Дядь, мать у меня — золото! Забери, а?

— Пацан, когда так навяливают продукт, значит, у него либо выходит срок годности, либо полная дрянь, — я уложил подбородок на шершавую полку, с интересом осматривая своего собеседника. — У тебя какой вариант?

— Мать у меня зачётная, только злая, как питбуль дрессированный, — пацан потянулся и рывком ноги подтянул бумажный пакет, где сверху лежали яблоки. — Хочешь?

— Давай, — в отличие от рук парня, мои были свободны, а статьи за воровство яблок пока не придумали. Подцепил два румяных плода, обтер о рубаху и протянул своему новому знакомому. — Так что там с мамой?

— Да она же за меня всё решает! С кем дружить, куда идти учиться, где проводить каникулы, — парень откусил яблоко и вдруг поднял голову и торопливо заелозил челюстью. — Кстати, меня Матвеем зовут.

— Денис, — я протянул ему руку, но Матвей не смог пожать, поэтому просто ударил кулачком.

— Ну, так что? Берёте мою маму? — мой собеседник прищурился, так хитро-хитро. — Бери, мужик, не пожалеешь...

— Тогда проведи рекламную кампанию. Почему я должен клюнуть на твою мамку? Она хоть красивая?

— Она лучшая... Тошная, зато каждое утро десять километров пробегает. Стреляет, как амазонка, зрение, как у ястреба, нюх, как у ищейки. А лицо... Такое милое... когда спит, — было видно, как он восхищается матерью, но злость и подростковый максимализм, приправленный бурей гормонов, твердили обратное.

— Когда спит? — пришла моя очередь хохотать. — А когда не спит? Она что, дьяволица? Мегера с клыками? Или вампирша, питающаяся кровью невинных младенцев?

— У-у-у-у-у... — парень вжал голову в плечи, когда двери крошечного полицейского участка с грохотом распахнулись, впуская разъяренную тигрицу.

Если честно, я ожидал чего угодно, но не такого...

— Булка! Какого чёрта тут происходит? — стройная поджарая и неприлично молодая брюнетка влетела в помещение, словно на метле.

Волосы её были влажными, стянутыми на макушке розовой резинкой, у виска пряди свернулись в упругие локоны. Китель был наброшен только на одно плечо, рубашка и вовсе застегнула со смещением на одну пуговицу, отчего топорщилась на груди. Но апогеем были розовые кеды.

Прелестно...

Первый день моей командировки в богом заброшенном приморском городишке, а я уже оказался за решеткой, вовлечен в странную игру по продаже женщины, а ещё меня обокрали!

— Булка, чтобы через пять минут тут было чисто, как в роддоме! Ясно? — брюнетка шипела, как клубок разъяренных змей, не сводя глаз с сына. — Иначе я Зине расскажу, как ты её диетические обеды в мусорке хоронишь, а сам тёщину жареную картошечку за обе щёки уплетаешь!

О... Этим взглядом убить можно было. Интересно, а разрешение на этот прожектор ярости у неё имеется?

Сотни острых клинков летели напрямик в пацана, а от его храбрости не осталось и следа. Он скукожился, забавно подергивая ручками, словно искал у меня помощи.

— Это всё Мотя! Он выдернул стул...

— Ябедничать некрасиво, Булка! — взвизгнул Матвей. — Не верь ему, мать!

— Замолчи, Мотя! Кому Булка, а кому Булкин Геннадий Алексеевич, — шикнула дамочка, а после... после медленно перевела свои огромные голубые глаза на меня.

— Тогда кому Мотя, а кому Матвей Александрович Котёночкин!

Котёночкин... Я чуть не прыснул со смеху, но вовремя сдержался. Взгляд зацепился за покосившуюся табличку с надписью: «ВРИО начальника участка — Котёночкина Елена Павловна».

— А это ещё кто? — дамочка кивнула на меня, а сама уже испепеляла ведьминским взглядом капитана.

— Семён привёз, остановил на въезде в город. У него ни паспорта, ни прав... Чёрт знает, кто он, и что ему в нашем городе нужно, — капитан собирал осколки, не поднимая головы, чтобы случайно не огрести.

— Так, этого мистера «ИКС» в мой кабинет, а его место займёт Котёночкин Матвей Александрович. Булка, выпиши ему штраф, пусть отрабатывает его на общественных работах!

— Мам! Ма, ну прости-и-и-и... — заканючил бойкий Мотя, очевидно, осознавший свой косяк. — И за стекло прости, и за то, что пытался сбежать... И за сорванный выходной! Как сходили на речку?

— Булкин, выполнять! — рявкнула Котёночкина и прошмыгнула в свой кабинет.

Капитан взмыл вверх, словно и не весил целый центнер. Он ловко отпер старинную скрипучую дверь обезьянника, махнул мне в сторону кабинета, а после так же шустро расщелкнул наручники пацана и втолкнул того в камеру.

— Куда я попал?

Стучаться было бессмысленно, стараниями её сына дверь оказалась беззащитной.

— Одну секунду, — раздался из-за ширмы, выстроенной из старых шкафов, голос дамочки.

Вышла она, и правда, через минуту. Волосы уже были зачесаны, рубашка застегнута, а китель остался висеть на спинке обычного деревянного стула с протёртой кожаной сидухой. Не было на ней и розовых кедров.

— Майор Котёночкина Елена Павловна, — дамочка щелкнула каблучками и прошла за стол. — Итак? Каким ветром в нашем городе?

Женщина поправила документы, запустила компьютер. И вот тут мне стало правда худо... На лакированном столе стоял огромный монитор, собратья которого уже нашли покой на свалке. Дамочка, даже не сгибая спины, пнула куда-то под стол, и снизу раздался протяжный рык старой посуды ЭВМ. На пару секунд кабинет дрогнул яростным визгом голодного, но очень старого льва.

Боже, это, и правда, Богом забытое место?

Наверное, я был в таком шоке, что уже не мог контролировать мимику. И Котёночкина уловила моё удивление бедной, но чистой обстановкой.

— Проездом, — я пожал плечами, а после потянулся, разминая мышцы. — Документы у меня украли, Елена Павловна, поэтому добрые люди посоветовали заехать в ваш городишко, чтобы написать заявление.

— Ну, пока это все слова. Быть может, представитесь?

— Ломов Денис Ильич. Кстати, вот фотографии моего паспорта, и если вы не так же безнадёжны, как ваш Булка, то додумаетесь пробить меня по базе на своём раритете, пока мы вместе с этим участком не взлетели на воздух от его воя!

— Не нужно учить меня работе, — дамочка поднялась, развернулась ко мне задом, чем сделала контрольный выстрел в голову...

Котёночкина задрала руки, встала на цыпочки, дотягиваясь до папки на верхней полке стеллажа. Но не это меня поразило до глубины мужской «души».

В треснувшем шве разреза форменной юбки показались белоснежные трусики с пёстрым рисунком красных вишеночек...

Чёрт, что это за волшебный участок?

Глава 1

— Лена, ты же его убьёшь! — орала подруга, бегая за мной, пока я гонялась за собственным сыном. — Леночка, успокойся... Помнишь, мы смотрели урок по йоге? Дыши! Вдох, и позитивная энергия пронизывает тебя до пяток... Выдох, и ты снова спокойна!

— Оль, замолчи, пока сама не огребла! Мотя, ты специально топчешь грядки? — слёзы обиды душили, а ярость затмевала разум.

Сейчас мы мало напоминали благополучную семью. Бешеной тройцей, под звонкое «ку-ка-ре-ку», носились по заднему двору дома, все больше привлекая внимание от природы любопытных соседей.

— Мать, отстань! Я уже взрослый! — Мотья периодически срывался на вопль восторга.

Здоровый детина, а до сих пор радуется догонялкам, даже не подозревая, что сейчас от матери во мне осталась лишь потребность накормить. А вот от разъяренной львицы — прикопать в компостной куче, дабы мой единственный сын не смел сбежать из дома.

— Да? Тогда какого лешего тебя сняли с междугороднего автобуса? — я примерно просчитала возможную траекторию движения Матвея, а после сама наступила в грядку с кабачками и срезала путь, перехватывая засранца за руку. — Куда собрался сбежать? К папаше своему?

— Мамочки... — зашептал Мотя, послушно опускаясь на деревянную лавку у дома.

— Вот! Я — твоя мамочка! Я тебя рожала, я тебя воспитывала, кормила, лечила и пела песни. А ты собрался тайком смыться к отцу? — я схватила грабли для убедительности своих аргументов.

— Мам, ну что в этом плохого? У всех есть отцы... Я могу хоть раз посмотреть на своего?

— А что на него смотреть? Хочешь, фотографию покажу? Человек, как человек: руки, ноги, безмозглая голова, крайняя степень безответственности не только за свою жизнь, но и за жизнь ребёнка. При малейшей трудности он собрал свои манатки и сбежал! — я громыхала, размахивала граблями, думая лишь о том, как бы не лопнуть от злости и позора. Завтра эта сплетня обогнёт весь наш городишко, что ещё десять лет назад был обычной деревней.

Обозвать-то нас городом можно, но что делать с сутью?

Всё, это позор... Тётя Люба — бабе Наде, та — деду Прохору, ну а старик уже разбрэнчит на утренней дойке даже молочным телятам.

— Тогда чего ты переживаешь? Приеду, посмотрю в его бесстыжие глаза и уеду! — сын размахивал руками, на всякий случай готовясь к защите.

— Б-р-р-р-р-р! — я в ярости запрыгала на месте, когда по спине пробежали мураши ужаса. Как представляю, что могла не успеть, так дрожь берёт.

Где бы я его искала в большом городе? И как он нашёл адрес своего горе-папашки?

И тут во мне проснулся мент... Мысленно прикинула план действий: как сыночка-верзилочка уснёт – устройю обыск его личных вещей, включая телефон и компьютер.

— Мотя, ты совсем обо мне не думаешь... Я ношусь как белка в колесе. Пытаюсь сделать все, чтобы мой сын был не хуже других, чтобы в холодильнике всегда была еда, в шкафу — модная одежда. Чтобы после школы ты мог поступить в университет! Я что, от тебя многого прошу? Ходить в школу, не сбежать из дома — это всё!

— Мам, я все равно встречу с отцом. Ну, не сейчас, так через месяц, через год! — Матвей встал и вдруг подался вперед, сгребая и меня, и мои грабли в свои не по-детски сильные руки.

Боже, когда он вымахать-то так успел? Всего пятнадцать, а уже на полголовы выше. Плечи широкие, руки какие крепкие... На глаза накатила очередная партия материнских слёз. Я даже шмыгнула, а Матвей рассмеялся и усилил хват.

— Всё, я даю слово, что не сбегу!

— Точно? — я прижалась губами к его щеке, зарылась пальцами в волосы. Он даже пах уже иначе... Не шальным мальчишкой, тусующимся в зарослях малины, а настоящим подростком.

— Слово даю! — пробасил Мотя, а я посмотрела на подругу Олю, стоявшую за его спиной. Она сморщилась, закатила глаза, дав понять, что пацан мой скрестил все пальцы в крестики.

В этот момент с улицы раздался рык квадроцикла, а следом послышался подростковый и оттого смешной бас:

— Мотя, выходи!

— Мать-майор! — сын отдал честь, вытянулся в струну и незаметно запихнул под лавку свой рюкзак, с которым его и сняли с автобуса. — Разрешите отправиться в самоволку в четко обозначенной области, подконтрольной вашему майорскому величеству?

— Куда? — я обхватила себя руками, пытаюсь прогнать морозец, гуляющий по коже.

Вдруг адреналин схлынул, а картинки пустого дома и пыльных объявлений о розыске подростка стали такими яркими, живыми, что я пошатнулась.

— Тише, Леноч, тише, — Оля подхватила меня, усадила на скрипучую скамейку и замала кулаком Матвею. — Мотя, ты видишь? Довёл мать... Ну что ты за человек, а?

— Ушёл!

Хоть сын и был весел, но я-то уловила нотку стыда в его изменившемся голосе. Он опустил голову, развернулся и отправился по тропинке, попутно поправляя огромные листья кабачков, которые он успел помять, гоняя по огороду, а после скрылся за домом.

— Оль... Ну сколько это может продолжаться? — как только квадроцикл взревел, уносясь прочь с нашей улицы, я уронила голову на грудь своей подруги.

— Лен, он все равно найдёт своего папашу, ты же умная баба, сама понимаешь. Сколько раз ты его ловила? Раз пять? Тогда, может, отпустить его? — Олька стерла с моего лица слезы уголком фартука, потрепала по волосам и поцеловала в макушку. — Ну, хочешь, я Прошку попрошу, он его проводит на расстоянии, приглядит, узнает.

— Оль, ну ты-то ерунды не говори? Он за четырнадцать лет не дал ни копейки на своего сына! Спасибо, что наследство не приехал делить, — я обернулась на свой любимый домик, доставшийся от свёкров.

Сашка сбежал в первый день рождения сына... Нанёс удар, как немец... В четыре утра сиганул через окно и растворился в неизвестности.

Он не выдержал быта, не вынес бессонных ночей, работы в урывках между учёбой. Сбежал, как трусливый зайчишка, забыв попрощаться со своими родителями. И вот уже четырнадцать лет я ничего не знаю об отце моего сына.

Свекровь погоревала, но быстро собралась. Взвалила на себя Мотьку, дав мне возможность окончить учёбу. Свёкор собрался быстрее, и уже на следующий день надел пиджак с орденами и отправился искать работу, чтобы было на что хлеба купить.. И пока я не окончила академию, они были моей единственной опорой в этой жизни.

Вот кому я обязана, вот кому я читаю молитвы каждый вечер перед сном. Но в этом списке нет имени моего мужа...

Я искала его... Честно, искала! Не ради алиментов, а чтобы просто знать, что он жив, здоров. Но так и не нашла....

— Но куда Мотька рвётся? — Олька вдруг встрепенулась и достала рюкзак сына, утрамбованный под лавку. — Давай, Лен, устрой обыск без санкций, а я тебя не сдам. Да и кому? Ты единственный представитель власти в нашем городишке.

Подруга прыснула от смеха, навязчиво подсовывая мне улику.

— Давай-давай... И не делай вид, что не думала это предпринять под покровом ночи. Мотыка неглупый, не стал бы сбегать без веского повода или приглашения. Ну что он — дурак, чтобы мчаться в город, не имея адреса, имени и фамилии?

Права Ольга... Ещё как права!

Я безжалостно вытряхнула содержимое рюкзака. Набор куций и неинформативный: сменное белье, книжка, пара пачек сухой лапши, спички, репеллент от комаров и паспорт.

— Папаша его что, в лесу живёт? Спички и антимоскит? — рассмеялась Ольга, пока я прятала паспорт сына. Так он на первом же посту загремит в полицию, а об этом я узнаю раньше, чем ему бы того хотелось.

— Ну что, мне Мотю на цепь посадить? И вообще, откуда эта навязчивая идея взялась в его голове? Жил себе хорошо и спокойно, так нет... Вздумал папку отыскать. Но для чего?

— Лен, парням нужен отец, и ты сама это понимаешь. Пока дед Ефим был жив, он нёс на себе эту функцию. А щас у Мотыки гормоны бушуют, вот он и решил узнать свои корни, — подруга обняла меня, успокаивающе поглаживая по голове. — Милая моя, дорогая... Сколько же всего на твои плечи свалилось. Лена! Мужика тебе надо!

— Оля, хватит! — я закатила глаза, потому что от этой старой песни у меня начиналась мигрень. — Ну, где я тебе мужика найду, ещё и хорошего? А? Я работаю с шести утра до девяти часов вечера. Мой отпуск проходит в огороде, ремонте и купании в речке. Я научилась колоть дрова, штукатурить стены, проводить воду, паять трубы... Электрику не освоила, но мне всего тридцать шесть, и всё впереди.

— Ленка... Ты такая чудная, — Ольга рассмеялась, но вдруг замерла, стремительно поблдев. Подруга неожиданно покосилась куда-то вбок и коварно улыбнулась... — А ты слышала новость века? Ленок, ты сейчас очумеешь...

— Оля, мне как-то не до слухов, если ты не заметила!

— Да подожди ты! — Ольга подскочила, схватила меня за руку и потянула к забору.

Соседи справа уже давно здесь не появлялись. Внуки сначала отстроили для деда и бабки шикарный современный дом со всеми благами, но прожили они тут недолго. Когда дед Степан заболел, внуки в один день собрали их вещички и увезли в город под своё заботливое крылышко.

— Кого ждать-то, Оль? Второго пришествия?

— Утром, когда я стояла в очереди за свежим хлебом, разговорилась с Машкой Ивановой, а ей шепнула Санька Щелокова, а та услышала на базаре... Ты, кстати, видела, какой она себе бидон отъела на халявных харчах военного городка? Ой, Лен, я же на тебя вишни прикупила...

У подружки определенно был талант скакать с темы на тему так быстро, что любой процессор закипал. Вот и сейчас она начала с новости, заканчивая покупкой вишни, что пала жертвой алабая Гоши.

— Оля! Сократи цепочку сплетниц и переходи сразу к делу? — я пнула ногой забор из аккуратного штакетника, а после подтянулась и осмотрела изрядно заросший за два года участок.

— Говорят, Гороховы продали этот дом!

— Что-о-о-о? — захныкала я, с жалостью осмотрев красивое одноэтажное строение. Этот дом был моей мечтой... Окна моей кухни выходили на эту красоту, и каждый раз, намывая посуду или готовя обед, я смотрела на графитовую крышу, просторный двор, стройный рядок персиковых деревьев и мягкую качель в тени кустов, представляя свой идеальный мир.

А теперь... Теперь его захватит другая? Она будет срывать румяные персики, она будет закатывать компоты на летней кухне? Она будет лежать в плетеном гамачке и читать книжки?

— Но это ещё не все... Шурка из мясной лавки видела, как покупатель приезжал смотреть участок. Машина, говорит, у него огромная, чёрная, окна затонированные. Бандит – не иначе!

— Оль, ну какой бандит? По твоим словам, семьдесят процентов горожан – бандиты, потому что у них чёрные автомобили. Так? — я впервые за сегодняшний день рассмеялась, наблюдая за перепуганной подругой.

— Вот увидишь, Ленка! Только поздно будет! Заедет бугай широкоплечий, весь в наколках тюремных и с одним глазом, так сразу вспомнишь слова своей мудрой и наблюдательной подруги! Так, всё... Мне пора. Скоро мои охломоны вернуться, — Олька посмотрела на часы и заохала, торопливо семеня к противоположной стороне забора. — Лен, мне даже страшно представить, какими лосями вернуться мои мальчишки. На деревенских бабулиных харчах они растут быстрее, чем Санькин бидон. А через неделю в школу!

— Поскорее бы школа. Нечего шляться с утра до вечера.

— Котёночкина, не забывай, вечером мы идём в баню! Полнолуние, — Олька бежала, периодически оборачиваясь. — На суженого тебе водицу заговаривать будем.

— Ты мне уже пятнадцать лет наговариваешь, пора бы уже смириться с горькой правдой.

— С какой ещё правдой? — Олька обернулась, подбоченилась, стрельнув злобным взглядом.

— Либо в нашу деревню нормальные мужики не приезжают, либо шепотки твои не работают!

— Посмотрим, Котёночкина... Моя бабка грыжи заговаривала, от бесплодия лечила и от алкашки! Не гневи бабу Грушу, не смей, — подруга махнула пальцем, предостерегая меня. Чёрт... И правда, чего я разбухтелась?

— Пока... — я помахала вслед подруге, а сама облокотилась подбородком о белый заборчик и тяжело вздохнула. — Прощай, мой-чужой домик...

Глава 2

Тосковать по соседскому дому, конечно, приятно, но свое хозяйство никто не отменял. Наколола дров, затопила баню, запарила новые веники и переключилась на дом. После Мотькиных сборов по нему словно Мамай прошёлся!

Я на мгновение замерла, припала к стене из кругляка и поцеловала, мысленно прося прощения за крамольные мечты о другом доме.

— Прости, дедуль. Я больше так не буду...

За последние лет семь я почти полностью перестроила дом. Вместо четырех крошечных комнат сделала две спальни и просторную кухню-гостиную, утеплила сени, отгородила там уголок для туалета и ванной. Избавилась от старой мебели, заменила пол, окна, утеплила крышу, намереваясь через годик обустроить там сыну большую комнату.

Я словно до сих пор жила при СССР, мыслила пятилетками, собственно, и бюджет свой строила исходя из планов.

Когда не на кого рассчитывать, живется проще. Знаешь, что кроме тебя никто не сделает, никто не заработает. Главное — избавиться от иллюзий, а потом жизнь сама подскажет путь.

Запустила робот-пылесос, сняла все шторы, отправила в стирку, отпарила форму на завтра и приступила к готовке, пока не пришли мои девки.

К вечеру я уже была обессилена, так ещё Оля притащила ведро вишни. Пришлось мыть, стерилизовать банки и варить варенье. Мотька терпеть не мог выковыривать косточки, поэтому ногти свои я убила, доставая каждую, дабы моего сыночка порадовать.

Изредка поглядывала в окошко, любовалась разливающейся над рекой алой дымкой, слушала ласковый шелест деревьев, жужжание пилы дяди Семёна и детские вопли с берега. В деревне лето особое: шумное, яркое, тонущее в зеленых холмах и извилистых берегах.

Я любила это место всей своей душой... Но был момент, когда мы с Матвеем почти уехали. Я уже окончила академию и, как лучшая ученица, получила приглашение на стажировку в прокуратуру края. Мне пообещали комнату в общежитии, место в детском саду и даже небольшую надбавку с поправкой на статус матери-одиночки.

Старики меня благословили, бабуля собирала закатки, дед латал старый чемодан, когда пришла неожиданная новость... Наш бессменный участковый, он же начальник отделения полиции, слёг в больницу с инсультом.

Нет, дядя Вова не перетруждался на работе. Город у нас был тихий, мирный. Молодёжь доживала до совершеннолетия и отчаливала в поисках хорошей жизни в областной центр. Население спокойное, в основном из семейных пар и стариков. В отличие от других деревень участь вымирания нам не грозила, потому как рядом было несколько крупных производственных центров: кирпичный завод, ферма и агрокомплекс.

Работа здесь была всегда, поэтому с пьянством особых проблем не было.

Нормальный был у нас город... Нормальный!

Вот тогда жизнь моя и дала крен... Участковый слёзно просил меня присмотреть за городом. Меня, зелёную выпускницу академии! Он состряпал направление, заручился поддержкой вышестоящего руководства, совершенно не желающего искать дурака, согласного осесть в нашей глуши, поэтому мою стажировку в прокуратуре завернули.

Через месяц дядя Вова оклемался, вышел на работу. Но он только значился начальником участка, а всю основную работу свалили на меня... Вот с тех пор я и ношу гордое звание ВРИО, и даже когда дядя Вова умер, мой статус не изменился.

Сколько бы порогов я не обошла, никто из руководителей не хотел утверждать бабу на постоянное место. Им был удобен статус временно исполняющей, опять же метод давления имеется. Правда, зарплату они мне все же подняли, чтобы не вякала. И даже звание присвоили,

тоже чтобы не вякала, ну и завершающим актом невиданной щедрости стал подарок в виде Булкина и его огромной склочной семейки. Генка где-то сильно напорточил, раз был отправлен в ссылку. Но я даже вопросов не смела задавать, взяла все, что предлагали, чтобы вновь не остаться одной.

Сначала было обидно... А потом даже порадовалась. Сын под присмотром стариков. Сытый, счастливый, весёлый. Ни один детский сад не заменит заботы родного человека. А когда у нас, в рамках образовательной реформы, открыли гимназию, я и вовсе успокоилась.

— Лен, ты что, оглохла? Опять о доме мечтаешь? — Олька стукнула по подоконнику, привлекая моё внимание. — Мы уже здесь!

— Пока не сварю варенье — никакой бани! — рыкнула я и закрыла окно. — Сама же мне вишню притащила!

Со двора послышался бабий смех, следом быстрый бег по сеням, а после открылась дверь в дом. Первой вбежала Олька Дудина, за ней Анька Смолова.

— Лен, наша Ольга взяла курс на старость! И ты туда же? — Аня вымыла руки, подбежала ко мне, крепко обняла и поцеловала в макушку. — Зачем закатывать консервацию, если можно в магазине купить банку джема и ждать, пока она затянется плесенью, но при этом не убив пару вечеров на это? Ну, вот что, твой Мотя начинает день с банки варенья? Он скорее чипсами закинется, чем мамкину закатку вскрыет.

С Аней и Олей мы дружим ещё со школы, а после наши дорожки разошлись. Я пошла в юридическую академию, где и познакомилась с Сашкой. Анька окончила гуманитарный по части журналистики, а Ольга у нас ас в торговле.

— Ну и деловая ты, Анька, стала, как кабинетик в областной администрации получила. Скоро в мэры подашься и нас забудешь, — захихикала Олька и оттолкнула меня от эмалированного тазика. — Ну, кто так банки стерилизует?

— Я! Я так стерилизую банки! — я вернула сдачу и сдвинула Ольгу. — Не трогай, я сама.

— Оля, ты чего злая? Какая муха тебя укусила? — Анька начала стягивать с пальцев кольца, дорогущий золотой браслет, а после повязала на волосы косынку, стирая флёр властной женщины. — Опять Генка алименты не перевёл?

— Ань, ну ты-то куда? — я закатила глаза, тихонько щипая подругу за бок. — С такими темпами мы разругаемся ещё до бани.

Они вечно грызутся как кошка с собакой. Громче их никто не ссорится, но опять же нет и дружбы крепче, чем между этими совершенно разными, но такими родными душами.

Анька – высокая длинноногая блондинка с порочной родинкой над губой. За ней со школы все парни по очереди портфель носили, письма писали, камушки в окошко кидали. А Олька – настоящая русская женщина. Её формам могла позавидовать сама Мэрилин Монро: пышная упругая грудь, тонкая талия, задница, что крепче ореха. Не шла наша Олька, а писала, повиливая достоинством на отраду мужским глазам.

Но, несмотря на видимое благополучие, женского счастья не выпало ни мне, ни моим подруженькам.

Когда Ольга выгнала мужа непутёвого, оставшись с двумя детьми, Анька быстро подсутилась и помогла подруге открыть свой магазин. И с поставщиками вопрос решила, и документы все на себя взяла. И стала наша Олька индивидуальным предпринимателем.

А когда бывший ухажер Аньки решил её секретаршу ощупать, так это Олька морду ему начистила своими хрупкими женскими ручками. Правда, потом оказалась в моём же участке, но этот вопрос пришлось решать мне... Я так этого придурка прижала, что он и заявление забрал, и от Аньки отстал навсегда.

— Нет, бабы, так мы до вечера провозимся, — охнула Оля. — Что, у тебя нет большой кастрюли? Неприспособленные вы к хозяйству, а всё потому, что нет оравы деток. И пылесосы у вас роботы, и плиты у вас на крошечные миски, а не кастрюли, а обед мультитварки готовят.

— Оль, ты что задумала? — Аня хрустнула яблоком, с интересом наблюдая за подругой.
— Речку вскипятим и там банки вымоем?

— Лузнут банки после нашей речки, — Олька отмахнулась и унеслась вон из дома.

— Лен, пусть эта чокнутая делает что хочет! Я ради твоей бани совещание отменила и хахалю столичного отбрила. А он, между прочим, мне обещал Париж на выходные, — Аня улыбнулась, вновь обняла меня.

— Какой Париж, Нюрка? Приходи ко мне на огород, я тебе и Париж, и фитнес, и пилатес с растяжкой через всю грядку покажу, — расхохоталась Олька.

— Девки, как я по вам соскучилась... Вроде живём в десяти минутах друг от друга, а почти не видимся, пока заполошная не удумает чего, — Аня кивнула на Ольку, за что тут же получила по макушке полотенцем. Но не сильно. Так... Любя.

Ольга выбежала из кухни, а вскоре под нашими окнами началась суета. Подруга разожгла уличную печь, установила на неё ванночку, в которой бабуля ещё Мотьку купала, налила воды.

— Ну вот же! — Олька снова залилась смехом и довольно захлопала в ладоши. — Сейчас мы махом всё сделаем.

— На то она и заполошная. Ань. Ольга сказала, Гороховы дом свой продают, — я перевела внимание на окно, пока на моей кухне не началась драка. — Ты позвони бабе Нюре, она его тебе продаст.

— Да опоздала я, Лен, — Анька присела на край стола, чуть выгнулась, осматривая домик. — Звонила я Гороховой, она и сообщила, что продала уже домик какому-то залётному.

— Вот! Машка права была? — Олька подтянулась и уложила голову на подоконник. — Бандит твой будущий сосед! Точно бандит!

— Оль, ну что ты говоришь? Какой нормальный бандит будет селиться рядом с начальником полиции? — Анька начала кидать в подругу вишней, но та отскакивала от москитной сетки и пружинила обратно.

— Значит, он бесстрашный бандит. Да и какая из Ленки ментовка? Ты её в форме-то видела? Секси-шмэкси модель, напялившая погоны ради развязных фоточек! — Олька отмахнулась и начала загружать банки в ванночку. — Чую, что не будет добра от этого соседа!

— Не каркай, Оль...

В шесть рук мы наконец-то расправились с вишней, перетаскали банки в тёмный чулан под лестницей, а потом, обнявшись, направились в баню.

Баньку строил ещё свёкор. Просторный предбанник, правда, лавки уже давно сменили ротанговые кресла, да и косоногий стол перекочевал в сарай, а вместо него красовался небольшой, круглый, с бетонной столешницей из мозаики. Но от ажурных салфеточек, связанных крючком, я отказаться не смогла, да и самовар остался на своём законном месте.

В условиях современности баня давно потеряла старый смысл, превратившись в некий расслабляющий ритуал. Влажный горячий воздух, кружево пара, шипение камней, треск поленьев в печи... Это волшебство. Такое настоящее, душевное.

— Нет, бабы... С нашим одиночеством что-то нужно делать, — прошептала Олька, кутаясь в простыню. — Нюр, ты бы хоть там, в администрации своей, выбила проект какой. Даешь деревням холостых мужиков!

— Ну что, мне их на трассе отлавливать? — Анька хохотала, глотая холодную воду прямо из эмалированного ковша. — Боюсь, моя акция закончится в полицейском участке, а на следующий день все газеты будут вопить, что помощник губернатора подрабатывает проституткой.

— Ну, вы там хоть озабочены этим вопросом? Скоро одни старики останутся, причем не холостые, а вдовы! Кому ж мы красоту свою показывать будем? — Олька обхватила грудь руками, демонстрируя аппетитные формы.

Нам с Анькой, двум плоскодонкам, против этой красавицы тягаться было бессмысленно. Да мы уже и не пытались... Бабушкина капуста перестала работать, выдав нам по крепкой двоечке.

— Ой, кстати! — охнула Аня, усаживаясь в кресло. Она закрутила волосы в полотенце, уложила на лицо распаренные смородиновые листья и закрыла глаза от удовольствия. — Говорят, свежая кровь в области будет... Сама вчера приказ видела. Не ревизор, конечно, к нам едет, но прокурор и парочка силовиков. Старых дедов попёрли, а этих в нашу глушь определили...

Но договорить Олька не успела, потому как во дворе что-то бухнуло... Да так громко, что стёкла предбанника задрожали.

Мы пулей вылетели из бани и застыли... В темноту вечерних сумерек взлетали яркие стрелы фейерверка.

— Это что такое? — ахнула Анька.

— Убью... — зашипела я, затягивая простыню ту же, а сама уже неслась через задний двор прямо к реке, откуда и запускались снаряды.

— Лен, ты бы хоть оделась, — гоготала Олька, догоняя меня, а после водрузила мне на голову форменную фуражку. — Вот так хорошо... Говорю же – не мент, а актриса из фильма для взрослых.

Глава 3

— Денис, ну отсидишься там годик, потом я тебя верну! — генерал Звонарёв обрывал мой телефон уже в пятый раз.

Нет, это он не вину свою чувствовал за моё отстранение, это он соломку подстилал на случай, если наверху решат, что погорячились, и отменят мою ссылку, организованную в воспитательных целях.

— Ломов, ну что ты дуешься, как баба? — рявкнул Звонарь, устав от монолога. — А вообще, за дело тебя попёрли! Ну кто дорогу зятю генерала переходит? Кто? Скажи спасибо, что погоны подполковника не сорвали!

— Это не я ему дорогу перешёл, товарищ генерал, а он мне! А зять вашего генерала — мудака и ублюдок. Я даже не прижал его, так, пощупал за пёрышки, — зарычал я, не в силах сдержать порыв ярости.

— Ломов, а это уже не твоего ума дело. За дело всё-таки тебя из столицы выперли! Но ничего... Отсидишься в глуши, может, ума наберешься. Свежий воздух, не бабы, а кровь с молоком. Засиделся ты в холостяках, оттого и не знаешь, что за семью могут не только сослать. Считай, вышел сухим из воды!

— Товарищ генерал, не надо меня умасливать. Вы меня в чем хотите убедить? Что моя ссылка — не рухнувшая карьера, а трамплин для новых возможностей? Я руководил отделом в столице, а теперь буду кем руководить? Доярками? Двадцать тысяч жителей вместо шумного мегаполиса? Это вы приказываете называть подарком? — стоп-кран окончательно сорвало. — Всё, товарищ генерал. Вы же мне больше не начальник, и ваши отповеди я слушать не обязан? Всего недоброго...

Притопил педаль газа, сворачивая с платной трассы после указателя на «Солнцев»,

— Какая прелесть...

Не то чтобы я был городским пижоном, привыкшим к благам цивилизации, нет... И родился я не в столице, и бабушка с дедушкой у меня были, и старенький домик с покосившимся крыльцом, и ледяная горная речка, и туча оводов, оставляющих после себя на коже огромные зудящие бляхи.

А может, генерал и прав... Как сказала бы моя бывшая жена, сбежавшая с нашим семейным психологом, «Каждый кризис — точка роста...». Ну что ж, расти придётся здесь...

— Пап, скажи, что это шутка? — удар по плечу оказал отрезвляющий эффект. Признаться, я уже и забыл, что на заднем сиденье в тяжелом молчании протеста сидел мой сын.

— Федь, твой папа не клоун, твой папа прокурор, — выдохнул, чуть сбрасывая скорость. — Ты же сам слышал, что выбора у меня не было. Партия сказала — надо, комсомол ответил — есть!

— Пап, достаточно... Ты при совке-то только родился, хватит этих баек из дедулиного революционного прошлого! — Федя устроился между передними сиденьями, прожигая дыру в моем виске. — Как несправедлива жизнь... Мать сбежала с гуру семейной психологии и теперь медитирует под сочный балийский рассвет, отца отправили в ссылку, а страдаю я... Бать, а я вообще ребёнок желанный? Или так...

— Федь, я сейчас не в силах подбирать слова, поэтому не нарывайся.

— Понял, товарищ подполковник, — Федя махнул рукой и рухнул на сиденье, напялив наушники, но через пару секунд снова поднялся. — План действий есть? Ты же не собираешься мириться с этим? Как намереваешься возвращаться?

— Есть у меня план, Федь. Там отличный лицей с математическим уклоном. Я всё проверил, качество образования не должно пострадать. А если окажется слабовато, мы найдём репетиторов. Поступишь ты в свою архитектурную академию... А ещё я купил дом.

— Дом? — присвистнул Федька. — Что, и коров будем доить?

— Ну, если тебе очень хочется, то можешь и доить, но я пас. Дом хороший, с удобствами, отоплением и даже вполне сносной мебелью.

— Ну и сколько я буду добираться до этого деревенского лица? На санях, потом на попутке?

— На дворе лето, боюсь, сани тебе не помогут, — я улыбнулся, понимая, что мой сын безнадежно отстал, до сих пор представляя деревню, как в старых советских фильмах. — Да и не деревня это вовсе. Такой крепкий город, чистый, красивый, с историческим центром и потоком туристов. До школы пешком пять минут, а мне до работы все равно на машине. К тому же там живёт твоя тётка, неужели ты не соскучился по нашей Люсе?

— Боже, какая щедрость... Пап, ты сейчас своего генерала напоминаешь, пытаешься убедить, что ссылка и явное понижение — благо для нашей семьи! — не выдержал Федька и повысил голос, ударяя кулаком в спинку переднего пассажирского сиденья. — У меня все друзья там остались! Что я буду делать в этой глуши? Что? За свиньями гоняться?

— Всё! — рывкнул и резко нажал на тормоз, выставив руку так, чтобы сына не выбросило через лобовуху. Федька не ожидал такой реакции, вскинул на меня испуганный взгляд. — Федя, тебе до академии остался год! Всего год, чтобы подготовиться к поступлению, поэтому я даже слышать не хочу, что тебе там будет скучно.

— Ты хочешь сказать, что если я не поступлю на бюджет, то не видать мне архитектурной академии? — сын аж запищал от возмущения.

— Я хочу сказать, что если ты себе поставил цель, то обязан соответствовать этой профессии. Если решил быть архитектором, то должен показать свой талант и упорство! — я обернулся, чеканя слова, не отводя глаз от сына. — Это не значит, что я не оплачу твоё обучение... Это будет значит, что ты схалтурил и не подготовился. Вот и всё...

— Вот просто у тебя всё, пап. Просто! Научили следовать букве закона, ты закусил УК РФ зубьями и прёшь как танк! Прокурор ты, батя, до костного мозга. А мне сейчас отец нужен!

Взгляд сына был мне знаком... Я его каждый день в отражении зеркала вижу. И характер парню достался мой: упрямый, несговорчивый. Сначала я был безмерно горд этим фактом. А теперь понимаю, как же трудно ему придётся по жизни. Будь я гибче, то и дальше бы сидел в своём шикарном кабинете и контролировал работу штатных прокуроров.

— Федь, а следовать закону – не самая плохая привычка. Подумай над этим... Лучше проснуться в деревне, но продолжить уважать себя, чем жить в пентхаусе и дрожать от того, что в любой момент придут по твою душу. И на хрен тогда деньги, статус и наворованная недвижимость тебе в тюрьме не пригодится!

Я отвернулся и снова вырुлил на дорогу.

— Пап, ты извини... Я же не говорю, что нужно быть преступником и взяточником. Просто... Ну ты же мог задушить их? Мог заткнуть им глотки? У тебя же полно друзей!

— Хватит! Это мои дела, и тебе в них лучше не лезть! Твоя задача — учиться и готовиться к поступлению, с остальным я разберусь на том простом основании, что я — отец, а ты — сын!

— Я матери позвоню, ясно? — пробурчал Федька и отвернулся. — Она вернётся и забереет меня!

Слова сына вонзились в меня сотней острых ножей. Он знал, что делает больно... Нарочно это делал! Но я вынужден мириться, потому что основания не меняются. Я – отец, а он – сын. И ответственность за него несу я...

— До школы неделя, поживёшь у тётки, пока я с домом закончу. Можешь звонить матери, её чокнутой мамашке, да хоть самому президенту, но жить ты будешь со мной! Ясно?

— Да, мой фюрер...

Глава 4

Я даже затормозить у дома сестры не успел, как Федька вылетел из машины, громко хлопнув дверью.

— Феденька! — Люся на ходу поймала своего племянника, успела лишь в макушку чмокнуть, прежде чем он скрылся в доме.

— Здорово, систер, — заглушил двигатель, вышел и потянулся, разминая затекшую после долгой дороги спину. — Не обращай внимания, полютует и перестанет.

— Денис, — Люська бросилась мне на шею, крепко обняла. — Привет, братик. Вы что, на машине ехали? Это же часов двенадцать!

— Вечером выехал, а ночью трасса свободна, да и Федька спал и не клевал мой мозг. Ты прости меня, давно у тебя не был, — обхватил её лицо и чмокнул в курносый нос. — Мне надо до управления доехать. Ты за сыном присмотри, только не дави на него. Не в духе парень... Грозится матери позвонить, чтобы она его забрала.

— Эта дрянь родного сына в новую жизнь забрать не захотела, а сейчас прям примчится! — Люська покраснела, сплюнула от злости и тут же шлёпнула себе по губам. — Шесть лет сына не видеть! Да какая она после этого мать?

— Это для тебя она не мать, а для Федьки сейчас она единственная надежда на чудо, что он снова вернётся к привычной жизни и к своим друзьям. Люсь, я прошу тебя, не читай ему мораль. Перебесится и успокоится. Хорошо?

— Хорошо, братик...

Сестра шурилась, улыбалась, рассматривала меня, словно чудо инопланетное.

— Всё, не буравь меня взглядом!

— Ну что? Дорожку перешёл кому? Чего это тебя сюда сослали? — не выдержала Люська и задала зудящий на кончике языка вопрос.

— Сослали, Люсь, ещё и ускорения придали, дав сутки на сборы. Ладно, мне пора в управление, потом поговорим...

Вот судьба коварная зараза. Вернула меня туда, где родился...

Я даже расхохотался в голос, осматривая смутно знакомые, но при этом сильно изменившиеся места. Деревянные домики частного сектора сменились аккуратными коттеджами в светлом сайдинге и с фигурными заборчиками. По дорогам уже не носились гуси и курицы, не было и бесстрашных пастухов с ленивыми коровами, их место занял неспешный поток автомобилей.

Чисто, красиво и очень даже современно.

После армии меня поколбасило знатно. Я так хотел вырваться из крошечного городка, что готов был служить где угодно, лишь бы домой не возвращаться. Сначала было Приморье, потом меня переманили на юг, ну и каким-то чудом я оказался в столице. Поэтому Федьку я понимал, как никто другой...

— Неплохо, — присвистнул я, въезжая в центр.

Как болван крутил головой, совершенно не узнавая свой родной город. Ехал по памяти, перестраивался, поворачивал, притормаживал в знаковых местах. Университет, ресторан, где поваром работала мама, и родная школа.

Прокуратура располагалась недалеко от администрации, вблизи СК и управление МВД. Три конкурирующих ведомства теснились на одной улице, и это было забавно.

Бросил тачку на служебной парковке и осмотрелся. Мрачное каменное здание, пёстрая золотая вывеска и предательски хлипкая покосившаяся скамейка у входа.

— Ломов? — как только я переступил порог приёмной, из кабинета выскочил довольный генерал. — Наконец-то! Признаться, я сразу не поверил, что мне отправляют не зеленого юнца, а настоящего подполковника.

Генерала Соболюкова я знал, ещё когда он был обычным участковым, а я юнцом, случайно конкувшим окно в подъезде. Мда-а-а-а... Время никого не щадит. Вот и сейчас я смотрел не на поджарого дядю Стёпу, по вечерам превращавшегося в тренера по карате, а на пузатого сытого и весьма уставшего генерала.

— Товарищ генерал, — я шутливо вытянулся по струнке, но дядя Стёпа отмахнулся и указал мне на дверь своего кабинета.

— Входи, Денис. Рад, очень рад... Да, жизнь коварна. Готов спорить, не ожидал, что вернёшься в родные пенаты? Сдали тебя мне на поруки, велели драть как сидорову козу и докладывать о малейшем проступке, — Соболюков посмеивался себе в густые усы, его глаза сверкали от странной радости. — Не давай мне повода, Ломов...

Я себя вдруг ощутил новогодним презентом от озорного и сильно пьяного тайного Санты.

— Кстати, по поводу твоих друзей поступили такие же указания, — он дернул бровью и постучал костяшками пальцев по столу. — Знатно вы, ребята, вляпались, раз вас в один день выпнули из Москвы.

— Дядя Стёпа, если вы уже повеселились, то, может, перейдём к делу? — я знал, что слух о моём отстранении достигнет места назначения быстрее, чем я сам. Но вот подготовиться к этому было невозможно...

— Ломов, скажи спасибо, что погоны не скинули! — рывкнул Соболюков. — Короче, ты в ссылке, за тобой круглосуточное наблюдение, и каждое твоё дело будет рассматриваться под микроскопом. А теперь иди... Я дал распоряжение, тебе подготовили кабинет. И ещё... Денис, выдохни, остынь и подумай о своём поведении.

— Товарищ генерал, вы меня уже достаточно пропесочили?

— Мда... — генерал выдохнул и вновь улыбнулся. — Теперь достаточно.

— Дядя Стёпа, а у вас тут тоже не всё так просто. С чего это у вас оказалась вакансия главного прокурора? До Москвы тоже слухи доходят быстро. Говорят, поймали его на крупной взятке... Так что не делайте вид, что вся гадость сконцентрирована только в столице. А ещё не создавайте видимость, что виноват только прокурор. Эта схема мне знакома, и в ней обязательно должны быть замазаны начальники отделов полиции, вот только информации об их задержании я не нашёл.

— Подготовился, засранец, — процедил Соболюков, нервно кусая кончик карандаша, а после просто сменил тему. — Итак... Как ты знаешь, наша область претерпела ряд изменений. Мелкие деревни присоединили к городам-спутникам, упростив вертикаль контроля. Начни со знакомства с начальниками отделений полиции, они должны знать нового прокурора в лицо.

— Есть, — подтянул папку, бегло пробежался взглядом по фамилиям.

— Ты, кстати, вопрос с жильём решил?

— Да, сестра нашла отличный вариант. Её бывшая директриса как раз продавала дом в Солнцево.

— Ну и хорошо, там и Фёдору до школы недалеко. Если что, директор лицея — мой сосед по даче — обращайся, — кивнул генерал, задумчиво рассматривая меня. — Только будь добр, это тебе не столица, кишащая шакалами. Люди у нас простые, поэтому не стоит сразу вгрызаться со свойственным тебе рвением. И особое внимание прошу уделить Солнцево...

— Женщина? — присвистнул я, найдя в списке город, где мне придётся жить. — Серьёзно? Начальник отделения полиции?

— Это не просто женщина, это локомотив! — генерал засмеялся. — Город в стальном женском кулачке держит, сына воспитывает без мужа, дом сама построила. В общем, если хочешь быстро влиться в коллектив — наладь с ней контакт.

— Есть – наладить контакт. Насколько тесный? — кивнул я, хотя мысленно уже представлял, как эта «майор-локомотив» встретит нового начальника.

— Ты ей этого сказать не вздумай, а то быть прикопанным в лесочке — не самая радужная перспектива. Ладно, завтра с утра в Солнцева и поезжай. Удачи тебе. И, Денис... — Соболев вдруг серьёзно посмотрел на меня. — Не порть мне тут всё. Отдохни, остынь, а там видно будет.

— Слушаюсь, товарищ генерал... Только и вы сделайте одолжение — не говорите, что к ним едет ревизор. Прокачусь тихо, прошупаю обстановку.

Выйдя из кабинета начальника, я спустился к себе. Осмотрелся, принял часть дел, познакомился с коллегами, стараясь не замечать шепотков, летящих в спину. Кому хочется оказаться в подчинении у столичного придурка? А именно таким я в их глазах сейчас и был... А ещё неудачником.

В Солнцева решил не ехать, усталость от долгой дороги наконец-то победила. Я смог доехать до сестры, быстро принять душ, и вырубился на диване.

Проснулся рано, почти с первыми петухами. В открытые окна врвался тёплый сквознячок, слышался дымок от бани, монотонный стук из кухни и тигриный храп моего сына.

Заглянул в отведенную ему комнату и тихо улыбнулся. Федька не разбирает сумки, он даже уснул в одежде, до сих пор надеясь, что я в любой момент скажу, что это была шутка, и верну его в привычную обстановку.

— Пусть спит... — Люся тихонько постучала по моим плечам, утягивая в кухню. — Идём, я завтрак твой любимый приготовила и кофе сварила.

— Спасибо, систер.

— Ну, так что? Расскажешь, как ты тут очутился?

— Люська, когда я просил не давить на Федю, рассчитывал, что и сам под бульдозер твоего любопытства не попаду.

— Наивный московский прокуроршишка, — Люся обняла меня со спины, чмокнула в макушку. — Расслабься... Знаешь, я думаю, что все не просто так. Ну не бывает, чтобы жизнь тебя сбрасывала с Олимпа, не приготовив парочку сюрпризов. Относись к этому как к пересадке... Один путь сменяется другим, а ты просто иди. Против лома нет приёма, Ломов. Помни об этом... Всё, езжай давай по делам, а я накормлю Федьку и попробую уговорить его сходить на море. Что он бледный-то у тебя такой? У вас там, в Москве, солнце-то есть?

— Есть, но на всех его не хватает...

Федька не проснулся, даже когда я вошёл в спальню, ища свою сумку с одеждой. Собрался, прыгнул в тачку и направился выполнять указание генерала.

Он прав, работу всегда лучше начинать со знакомства. Поэтому я и форму не надел, сотрудники полиции всегда лучше идут на контакт без давления прокурорских лычек.

Свернув на трассу, я остановился на заправке, купил кофе, вернулся в тачку и, лишь когда выехал на дорогу, понял, что с пассажирского сиденья исчезло портмоне...

Скинул скорость, намереваясь развернуться, чтобы вернуться на заправку, но тут из-за угла как чёрт из табакерки выскочил сотрудник ГИБДД. Молоденький пацан взмахнул жезлом, указывая на обочину, и мне пришлось подчиниться...

— Капитан Смородин, — пацан махнул рукой, а после начал рассматривать машину. Не скрывая восторга. — Из самой столицы?

Капитан выгнулся, посмотрел на номера и присвистнул.

— Документы на транспортное средство и водительские права.

Ну, инкогнито, значит, инкогнито...

— Капитан, может, договоримся? — улыбнулся я, даже не подозревая, что этот день придётся провести в отделении полиции...

Капитан оказался несговорчивым, и уже через полчаса меня доставили в полицейский участок города Солнцев.

Крошечное здание располагалось напротив администрации. Фасад старый, потрёпанный и явно подправленный собственными силами. Зато палисадник пестрел сочным разноцветием цветов.

Чёрт, Солнцев... Это же в этом городе хозяйничает женщина? Оно и видно! Дендрарий развела у участка. Маскируется...

— Булка, я тебе тут персонажа подозрительного привёз. Не тачка, а танк, номера московские, документов нет. Да и морда у него протокольная... На бандита похож, — капитан проводил меня внутрь. Пацан оказался неглуп, поэтому не толкал, даже не пытался удерживать, вовремя смекнув разницу комплекций.

Он походил на зеленого кузнечика, еле до плеча мне доставал. Дерзость его объяснялась молодостью и ещё не развеявшимся флёром романтики профессии, а бегающий перепуганный взгляд — чуйкой... Поэтому и отвёз он меня в ближайший полицейский участок, только бы свалить ответственность на другие плечи.

— Хромов, гадёныш ты неуёмный, — из небольшой конуры, стирая с губ крошки от пирога, выкатился пузатый сотрудник. — Нет начальника! Выходной законный у неё... Между прочим, первый за месяц. Что мне прикажешь делать с этим безбилетником и его протокольной мордой?

— В обезьянник посади, — «кузнечик» дернул плечами, сунул под нос пузатика документы, дождался подписи и поспешил скрыться.

— Давай, товарищ хороший, проходи в клетку, — пузач распахнул передо мной дверь.

А мне даже стало интересно... Какое милое местечко. Все такие вежливые, аккуратные... А главного прокурора закрыли за взятки и подозревают в организации коррумпированной сети с участием обычных рядовых полицейских. Вот таких, как этот милый и румянощёкий пузанчик.

Капитан закрыл меня в камере, смерил трусливо-любопытным взглядом и вновь хотел было скрыться в закутке дежурного, как дверь отделения снова открылась, являя новый наряд ППС.

И вот эти хлопцы себя вели уже не так любезно с задержанным. «Преступником» оказался подросток примерно такого же возраста, как мой Федька. Парень шипел, сопротивлялся, размахивал рюкзаком, пока пузан не отобрал у него оружие и ловким движением не приковал к перегородке занятой мною камеры.

— Мотя! Ты что, опять пытался сбежать? — ухнул капитан, растерянно осматривая парня, а после и меня.

И я вдруг понял природу его шока... Ещё никогда в этом отделении не было такого количества задержанных.

— Матери не звони! — заорал пацан, когда капитан потянулся к телефону. — Она сказала, что убьёт меня, если я сорву её выходной. На речку они ушли с тётёй Аней и тётёй Олей!

— Поздно, Мотька... Допрыгался ты!

— Дядь, а вам жена не нужна? — пацан вдруг резко обернулся, переключив внимание на меня.

— Братец, а тебя задержали за незаконную торговлю мамами? — я грохнул от смеха, от столь коварной наивности подростка. — У тебя мамка лишняя, что ли?

— Слава Богу, одна... Я бы двух не вытерпел! — парнишка со злостью толкнул стул на колёсиках как раз в тот момент, когда грузный капитан хотел присесть за стол.

Коротконогий пухляш с таким грохотом рухнул под стол, а бесполезная попытка удержать равновесие привела к ещё большему коллапсу. Кусок оргстекла со стола взмыл в воздух

и легким полётом бешеного бумеранга ударился о стеклянную перегородку кабинета начальника участка...

Воздух взорвался осколками, опадая на крашеный рыжей краской дощатый пол.

— Мотя!!!! — взревел капитан, елозя по полу в попытке подняться.

— Булка, я бы тебе помог, честное слово, — пацан ржал, даже не пытаясь замаскировать ехидство, а ещё он звонко бряцал наручниками, будто в этом дурдоме было слишком тихо. — Но ты же сам приковал меня. А ведь я несовершеннолетний, а ордера на арест у тебя нет. Думаешь, тебя за это по головке погладят?

— Мотя, вот мать придёт, с неё ордер и требуй! Она приказала задержать тебя, я исполнил!

— Булка, ты вечно будешь капитаном, оправдывающим своё прозвище. Булка! Булка! — пацан дразнил капитана, пользуясь то ли какой-то привилегией, то ли очевидной добротой пузана.

Капитан мало походил на сотрудника полиции. Рубаха была натянута вокруг его пуза, грозя убить выстрелом пуговицы в любой момент. Возраст Булки определить было сложно — ровное лицо с пунцовыми от румянца щеками, редкая бородёнка и бегающие пороссячи глазки.

— Японский городской, — прошептал капитан, с ужасом осматривая пол, усыпанный осколками. — Хана нам, Мотя.

— Нам? Три «ха-ха»! Булка, а ведь камер тут нет... Мать придёт, я скажу, что это ты сделал! Чихнул, и стеклышко разлетелось, — пацан резко потерял интерес к завывающему от ужаса мужику и снова обернулся ко мне. — Ну, так что? Кольца на тебе нет, а значит, свободен. Лицо незнакомое — значит, приезжий. Дядь, мать у меня — золото! Забери, а?

— Пацан, когда так навяливают продукт, значит, у него либо выходит срок годности, либо полная дрянь, — я уложил подбородок на шершавую полку, с интересом осматривая своего собеседника. — У тебя какой вариант?

— Мать у меня зачётная, только злая, как питбуль дрессированный, — пацан потянулся и рывком ноги подтянул бумажный пакет, где сверху лежали яблоки. — Хочешь?

— Давай, — в отличие от рук парня, мои были свободны, а статьи за воровство яблок пока не придумали. Подцепил два румяных плода, обтер о рубаху и протянул своему новому знакомому. — Так что там с мамой?

— Да она же за меня всё решает! С кем дружить, куда идти учиться, где проводить каникулы, — парень откусил яблоко и вдруг поднял голову и торопливо заелозил челюстью. — Кстати, меня Матвеем зовут.

— Денис, — я протянул ему руку, но Матвей не смог пожать, поэтому просто ударил кулачком.

— Ну, так что? Берёте мою маму? — мой собеседник прищурился, так хитро-хитро. — Бери, мужик, не пожалеешь...

— Тогда проведи рекламную кампанию. Почему я должен клюнуть на твою мамку? Она хоть красивая?

— Она лучшая... Тошная, зато каждое утро десять километров пробегает. Стреляет, как амазонка, зрение, как у ястреба, нюх, как у ищейки. А лицо... Такое милое... когда спит, — было видно, как он восхищается матерью, но злость и подростковый максимализм, приправленный бурей гормонов, твердили обратное.

— Когда спит? — пришла моя очередь хохотать. — А когда не спит? Она что, дьяволица? Мегера с клыками? Или вампирша, питающаяся кровью невинных младенцев?

— У-у-у-у-у... — парень вжал голову в плечи, когда двери крошечного полицейского участка с грохотом распахнулись, впуская разъяренную тигрицу.

Если честно, я ожидал чего угодно, но не такого...

— Булка! Какого чёрта тут происходит? — стройная поджарая и неприлично молодая брюнетка влетела в помещение, словно на метле.

Волосы её были влажными, стянутыми на макушке розовой резинкой, у виска пряди свернулись в упругие локоны. Китель был наброшен только на одно плечо, рубашка и вовсе застегнула со смещением на одну пуговицу, отчего топорщилась на груди. Но апогеем были розовые кеды.

Прелестно...

Первый день моей командировки в богом заброшенном приморском городишке, а я уже оказался за решеткой, вовлечен в странную игру по продаже женщины, а ещё меня обокрали!

— Булка, чтобы через пять минут тут было чисто, как в роддоме! Ясно? — брюнетка шипела, как клубок разъяренных змей, не сводя глаз с сына. — Иначе я Зине расскажу, как ты её диетические обеды в мусорке хоронишь, а сам тещину жареную картошечку за обе щеки уплетаешь!

О... Этим взглядом убить можно было. Интересно, а разрешение на этот прожектор ярости у неё имеется?

Сотни острых клинков летели напрямик в пацана, а от его храбрости не осталось и следа. Он скукожился, забавно подергивая ручками, словно искал у меня помощи.

— Это всё Мотя! Он выдернул стул...

— Ябедничать некрасиво, Булка! — взвизгнул Матвей. — Не верь ему, мать!

— Замолчи, Мотя! Кому Булка, а кому Булкин Геннадий Алексеевич, — шикнула дамочка, а после... после медленно перевела свои огромные голубые глаза на меня.

— Тогда кому Мотя, а кому Матвей Александрович Котёночкин!

Котёночкин... Я чуть не прыснул со смеху, но вовремя сдержался. Взгляд зацепился за покосившуюся табличку с надписью: «ВРИО начальника участка — Котёночкина Елена Павловна».

— А это ещё кто? — дамочка кивнула на меня, а сама уже испепеляла ведьминским взглядом капитана.

— Семён привёз, остановил на въезде в город. У него ни паспорта, ни прав... Чёрт знает, кто он, и что ему в нашем городе нужно, — капитан собирал осколки, не поднимая головы, чтобы случайно не огрести.

— Так, этого мистера «ИКС» в мой кабинет, а его место займёт Котёночкин Матвей Александрович. Булка, выпиши ему штраф, пусть отрабатывает его на общественных работах!

— Мам! Ма, ну прости-и-и-и... — заканючил бойкий Мотя, очевидно, осознавший свой косяк. — И за стекло прости, и за то, что пытался сбежать... И за сорванный выходной! Как сходили на речку?

— Булкин, выполнять! — рявкнула Котёночкина и прошмыгнула в свой кабинет.

Капитан взмыл вверх, словно и не весил целый центнер. Он ловко отпер старинную скрипучую дверь обезьянника, махнул мне в сторону кабинета, а после так же шустро расщелкнул наручники пацана и втолкнул того в камеру.

— Куда я попал?

Стучаться было бессмысленно, стараниями её сына дверь оказалась беззащитной.

— Одну секунду, — раздался из-за ширмы, выстроенной из старых шкафов, голос дамочки.

Вышла она, и правда, через минуту. Волосы уже были зачесаны, рубашка застегнута, а китель остался висеть на спинке обычного деревянного стула с протёртой кожаной сидухой. Не было на ней и розовых кедов.

— Майор Котёночкина Елена Павловна, — дамочка щелкнула каблучками и прошла за стол. — Итак? Каким ветром в нашем городе?

Женщина поправила документы, запустила компьютер. И вот тут мне стало правда худо... На лакированном столе стоял огромный монитор, собратья которого уже нашли покой на свалке. Дамочка, даже не сгибая спины, пнула куда-то под стол, и снизу раздался протяжный рык старой посуды ЭВМ. На пару секунд кабинет дрогнул яростным визгом голодного, но очень старого льва.

Боже, это, и правда, Богом забытое место?

Наверное, я был в таком шоке, что уже не мог контролировать мимику. И Котёночкина уловила моё удивление бедной, но чистой обстановкой.

— Проездом, — я пожал плечами, а после потянулся, разминая мышцы. — Документы у меня украли, Елена Павловна, поэтому добрые люди посоветовали заехать в ваш городишко, чтобы написать заявление.

— Ну, пока это все слова. Быть может, представитесь?

— Ломов Денис Ильич. Кстати, вот фотографии моего паспорта, и если вы не так же безнадежны, как ваш Булка, то додумаетесь пробить меня по базе на своём раритете, пока мы вместе с этим участком не взлетели на воздух от его воя!

— Не нужно учить меня работе, — дамочка поднялась, развернулась ко мне задом, чем сделала контрольный выстрел в голову...

Котёночкина задрала руки, встала на цыпочки, дотягиваясь до папки на верхней полке стеллажа. Но не это меня поразило до глубины мужской «души».

В треснувшем шве разреза форменной юбки показались белоснежные трусики с пёстрым рисунком красных вишенок...

Чёрт, что это за волшебный участок?

Глава 5

Котёночкина

Меня внутри всю трясло от злости. Впервые желание убить оказалось таким ярким, даже пугающим. Смотрела на Мотьку и не могла понять, в какой момент всё пошло не так.

Когда произошёл надлом?

Когда мой сын перестал быть моим мальчиком и стал одержим желанием найти отца?

И когда я превратилась в одну из тех матерей, что готовы держать своего отпрыска в наручниках, только бы он был рядом? Я словно проспала кусок своей жизни, а теперь его уже не вернуть.

— Эй, дамочка? — раздалось откуда-то справа.

Ещё этот засранец залётный... Все мои мысли были направлены на Мотю, поэтому я толком и не слышала пояснений задержанного.

«Прокурор, говоришь? Да блядун ты обыкновенный...» — пронеслось в голове, как только наши взгляды встретились.

И вердикт этот окончательный и бесповоротный.

Мне ещё свекровь говорила, что блядунов и трахарей-террористов Боженка отметил ещё на этапе зачатия. У них у всех прозрачно-голубые глаза. Как зимнее морозное небо, как кубик льда. Бездушные и прозрачные. А ещё влекущие, чарующие и необычайно красивые...

— А я не дамочка. Майор Котёночкина Елена Павловна, — процедила, нависая над незнакомцем. — Итак? Начнём сначала?

— Советник юстиции Ломов Денис Ильич, вчерашним числом назначен на должность главного прокурора края вместо Золотавина Марата Львовича, — в тон ответил незнакомец, медленно поднимаясь на ноги.

Боже, какие мы нежные... Не любит, чтобы женщина была сверху?

Ломов сократил дистанцию, а после окончательно выпрямился, показывая, что если кто тут и должен смотреть снизу вверх, то это я.

А там было на что посмотреть... Моя любимая свекровь была тонким знатоком мужиков, хоть всю жизнь и прожила со своей первой любовью. Руководила она ими на заводе, в кулаке их яйца держала, ни минуты послабления не давала.

И таких, как этот Ломов, она называла богатырями... Опасный тип мужиков. Очень опасный!

Бабы природным чутьем ловят качественный генофонд, дуреют и теряют голову. Высокий, плечистый, мощная шея с соблазнительным покатым треугольником мускулов. По золотистой смуглой коже перекатывалась толстая цепь, путаясь в ворота обычной черной футболки. Ткань хоть и плотная, но рельеф грудных мышц демонстрирует.

Красавчик и блядун... И лицо у него как из рекламы, призывающей молодых и сильных встать на защиту Родины. Мощный подбородок, крупные пухлые губы, нос с небольшой горбинкой, выдающей частые переломы. Волосы чёрные, аккуратно постриженные в модный четкий ёжик. А густая щетина призвана смягчить резкие черты лица, но даже она с этой задачей не справлялась. Маскируется, сволочь... Чтобы мягко подчинять своему очарованию.

По спине пробежал морозец, но я его списала на влажную форму. Новость о том, что с автобуса вновь ссадили моего беглеца, застала меня в реке. Я пулей забежала домой, чтобы переодеться, и натянула форму прямо на этот гребаный купальник. И теперь задница моя зудела и чесалась от мокрой синтетики, прилипшей к коже.

— Так, где вы, советник юстиции, документы потеряли?

— А вот вы, майор Котёночкина, и должны заняться этим вопросиком, — его голос потерял звонкость, меня обдало резким выдохом, а в ушах резонировал его интригующий хриплый шепот.

— А вот и займусь!

— Вот и займитесь, — мужчина вдруг расхохотался и вернулся в кресло, закинув локти на его спинку.

Красуется, придурок...

— Тогда едем, — я дернула плечами, схватила сумку и вышла из кабинета, притормаживая у будки дежурного.

Очевидно, весь спектр эмоций был написан у меня на лице, поэтому Булкин побледнел и зажмурился, ожидая взрыва.

— Гена, пацана не отпускать, пока я не вернусь. Справишься?

— Конечно, Елена Александровна. А вы куда?

— Знакомься, Гена, — я крутанулась, указывая на Ломова, лениво вышедшего из моего кабинета. — Задержанный наш прокурором новым оказался. Капец тебе, Булкин... Но это цветочки по сравнению с тем, что сделаю я, если ты пацанапустишь! Ну, прокуратура... Идём!

Я даже не посмотрела на Матвея, чтобы ненароком не убить его взглядом.

Он же мне слово давал! Обещал, что не сбежит, что выбросит из головы эту дурацкую затею.

Нельзя мужикам верить, даже тому, кого ты воспитывала с пеленок. Кормила, ночей не спала, на работе подыхала, только бы у него было все, чего он хочет! Нет им веры...

— А вы суровая, Котёночкина, — как только мы вышли из участка, Ломов расхохотался, будто все это время сдерживался из последних сил.

— Если бы на моём месте был мужик, вы бы, предполагаемый прокурор Ломов, ни слова бы не сказали! — я открыла пассажирскую дверь своего авто, а после и сама села за руль. — Грубость, четкость и лаконичность для мужчин – норма, показатель силы и крепости характера. Так?

Ломов цыкнул, но пассажирское кресло занял, аккуратно закрыл дверь, внимательно проследил, как я завела двигатель и тронулась с места.

Да на его лице виден же был весь букет шаблонных принципов: место баб у плиты да в постели, но никак не во главе полицейского участка и не за рулём автомобиля.

И в этот момент я окончательно поняла, что не сложится у нас диалог с этим напыщенным столичным индюком.

Как только Ломов открыл рот, чтобы завести разговор, я перебила его:

— Где украли документы?

— Заехал на заправку...

— На развязке перед съездом в город? — прошептала, осознав, что наша встреча была неминуема. По мою душу ехал... Чёрт! Что им всем от меня нужно?

— Да...

Он было что-то хотел добавить, но я выкрутила ручку магнитолы, заполняя салон громкой музыкой. На лице Ломова сначала отразился полный шок, потом он долго пытался бороться с неминуемым принятием ситуации, а после вновь рассмеялся.

И этот звук стал даже громче музыки... Он заполнял меня изнутри, поселился в ушах, оставлял ожоги на перепонках, щекотал нервы и подначивал и без того бурлящую кровь. Да в этот момент хотелось его ударить! Выместить злость за сорванный выходной, за поступок Матвея, за ненависть к бывшему мужу, которого не видела уже пятнадцать лет.

Сейчас я весь мир ненавидела... А этого весельчака с прокурорскими погонями особенно.

— Можно всё же вопрос? — Ломов вырубил музыку, но руки не отнял, перекрыв панель управления своей огромной лапой. — Откуда такая нелюбовь к прокурорам? Что, кто-то из них у вас котёнка украл?

— А за что вас любить? — я не смогла сдержаться и выпустила смешок, полный брезгливости. — Только вот не нужно делать из меня дуру. Все знают, как вы работаете. Ждёте в кустах, пока следаки соберут дело, сделают всю грязную работу, а потом почиваете на лаврах. А бывают особенно мрачные дни, когда прокурор вновь и вновь отправляет дело на следствие, чтобы не увязнуть со слабыми доказательствами в суде. И в эти моменты он не о законе думает, а о том, как бесперспективное дело отразится на его карьере.

— А-а-а-а... Это я уже слышал, — вдруг Ломов, забыв спросить разрешения, закурил, открыв окно, вот только руки он так и не убрал, не позволяя вновь включить музыку.

— Тогда чего вы спрашиваете?

— Думал, вдруг цепкий и внимательный взгляд женщины заметит что-то новое про придурков прокуроров... — он даже фыркнул, а после отвернулся, будто вмиг потерял всякий интерес к моей персоне. — Только вы, майор Котёночкина, в следующий раз прикусите язык, когда будете обвинять меня в шовинизме и шаблонном мышлении, потому как ничем не отличаетесь от тех, кто декларирует отстранение женщин от высоких чинов, сложной работы и прочей херни. Ясно?

Ломов вдруг резко обернулся, а я вздрогнула... Как загнанная мышка. Кажется, все мои мышцы окаменели от ужаса. Нет, он не транслировал физическую угрозу, больно ударило разочарование, поселившееся в его блядских голубых глазах.

Нет, в чем-то он был, конечно, прав... А следовательно, неправа была я. Но этот столичный козёл никогда об этом не узнает.

Дальше мы ехали в тишине, благо путь был недолгий. Въехала на заправочный комплекс, припарковалась в тени и молча вышла на полуденное пекло.

Эх... А могла бы сейчас плавать в холодной речке и считать птичек, отвлекаясь от толстой книжки сканвордов, но вместо этого я вынуждена созерцать важную прокурорскую морду.

Нужно найти его документы и отправить с Богом!

Глава 6

— Дина, привет! — махнула я администратору, выставляющей товар на полки. — Мне нужно посмотреть записи с камер, и не заводи песню про постановление и официальную процедуру изъятия. Сэкономим друг другу время? Ты будешь упрямитесь, грозиться позвонить моему начальнику, сопротивляться и пытаться защитить право ваших клиентов. А после я тебе скажу, что этот мужчина – главный прокурор области, и что его обокрали на вашей АЗС...

Высокая и крупная женщина, несмотря на свою комплекцию, обладала острым умом и милостивой внешностью... Не знаю, что на неё подействовало больше: мои железобетонные аргументы или смазливо-привлекательное лицо Ломова... Но она даже не дослушала мою тираду и направилась в служебное помещение.

Время преступления мы определили по уведомлению из банка о списании денежных средств. И почти сразу нашёлся и преступник...

Черт, не соврал... И правда, обворовали. Вполне четкая и очень даже знакомая фигура нарисовалась из леса в тот момент, когда Ломов отправился к кассе. Он, очевидно, расплатился при помощи телефона, поэтому сразу пропажи не обнаружил, а вернувшись, сразу ударил по газам и выехал на трассу, где и был пойман сотрудниками ДПС. Собственно, так же быстро скрылась и фигура в тёмном спортивном костюме и глубоко натянутом на голову капюшоне.

— Спасибо, Дина, — я встала с кресла и вышла, направляясь напрямиком к машине.

— Товарищ майор! Я про извинения и унижительное недоверие коллеге молчу и не питаю иллюзий, но, быть может, хоть комментарии будут? — Ломов откровенно подтрунивал надо мной. А ещё я готова была поклясться, что он пялится на мою пятую точку.

Нет, купальник уже высок, и даже задница перестала зудеть, Однако желание поправить юбку было таким сильным... Но не сильнее желания не реагировать на его провокацию.

— А чего мусолить? Сейчас мы поедem и найдём ваши документы, — я завела двигатель и, как только прокурор закрыл за собой дверь, стартанула к небольшому посёлку возле кирпичного завода.

Пешком было бы быстрее, прямо через лесок, откуда и выскочил бессмертный придурок, но как есть...

— Чёрт... Котёночкина, вы что, его знаете?

— А я здесь всех знаю, это моя работа.

— Что, теперь будете уговаривать не писать на него заяву?

— Да хоть сто штук напишите, мне одним хулиганом меньше, одним больше, — я отмахнулась, сначала не желая говорить на эту тему, но после все же сдалась. — Необычный Степан... Тихий, спокойный, добрый, но иногда случается в его психике ретроградный меркурий, и тогда он творит чудеса, выпадающие под УК РФ. Два года назад вскрыл киоск и съел три булки хлеба, ещё двадцать надкусил. В кассе лежали деньги, но их он не тронул... Просто оставил посёлок без хлеба и, сытый и довольный, ушел домой. Его бабушка воспитывает, мать умерла при родах, а отец, побоявшись диагноза пацана, слинял... Собственно, иного никто и не ожидал.

— Ну, про ваши ожидания подлости от мужчин я уже все понял. Но в этот раз он украл кошелек, — возразил Ломов, указывая на то, что моя теория о немеркантильности Степана дала трещину.

— Готова поспорить, что Стёпа клюнул не на ваши деньги, а на что-то странное. Ну? Вспоминайте, что у вас там на кошельке было? Брелок, блестяшка, значок...

— Да... — вдруг усмехнулся Ломов. — Мне мужики значок подарили к юбилею нашей службы, а я как приколот его на портмоне, так он лет пять уже на нём и красуется. Я уже и забыл о нём...

— Это ваша машина? — я притормозила у обочины, где пылился огромный черный джип на столичных номерах.

— Моя... Чёрт, она что, все это время стояла тут? А как же процедура? Где эвакуатор?

— Эвакуатор в нашей местности можно ждать сутки. Считайте, что вам сильно повезло. Пересаживайтесь и следуйте за мной, товарищ прокурор. Тут недалеко...

Ждать я его не стала. Завела свою малолитражную японочку и покатила по намеченному маршруту... Нутром чувствовала, что лебезить перед ним не стоит. Вскоре черный корабль меня догнал, приветственно подмигнул фарами и пристроился сзади.

Проезжая мимо поля, я заметила суетливое мельтешение в пролеске перед поселком. Ударила по тормозам, на ходу стянула лодочки и выскочила из машины.

— Степан! Стоять, пока я тебя не выпорола! — бежала по колючей сухой траве, истосковавшейся по дождю, почти не моргая, боялась упустить Стёпку.

Если не взять сейчас, его обуяет стыд, и тогда он спрячется в лесу и будет там сидеть, пока окончательно не изголодается. Плавали, знаем... В прошлый раз мы его неделю искали, пока он сам не вышел из своего укрытия.

— Нет!!! — взбрыкнул Степа и припустил по тропике.

Я понимала, что глубоко в лес его запускать нельзя, потому что на его стороне обувь и знание каждой кочки, а я драть пятки о колючки ради прокурора не собиралась.

Схватила первую попавшуюся ветку и швырнула Стёпке прямо под ноги. Парень кубарем полетел на мягкую подушку свежескошенной травы, а после замер, ожидая неминуемой кары.

Достала наручники, завела его руки за спину, защёлкнула, и вот тут появился ошарашенный Ломов... Кабинетному чистюле явно пришлось пробежаться, поэтому он тяжело дышал и смотрел на меня, как на инопланетянку.

— А сын ваш был прав... Вы в отличной форме, майор Котёночкина, — Ломов вдруг полоснул по мне странным взглядом.

— Что вы имеете в виду?

— Ваш сын предложил взять вас в жёны, только бы избавиться от гнетущего надзора матери-тиранши, — Ломов подошёл, рывком поднял пацана с земли, внимательно осмотрел его красное смущенное лицо и звонко цыкнул.

Вот мелкий пакостник... Я что, вещь? Меня можно отдавать в руки первому попавшемуся столичного придурку? Ну, подожди, сыночка, я научу тебя мать уважать!

— Вот ваши документы, товарищ прокурор, — я бесцеремонно обыскала Степана, достала искомое портмоне, но перед тем, как вернуть хозяину, проверила документы.

Открыла паспорт, сверила имя, фамилию и даже прописку... А пальцы сами перелистнули на страницу с семейным положением. И там стояла одинокая печать, свидетельствующая о заключении брака в далеком 2008 году...

— Я в разводе, — вдруг шепнул Ломов прямо на ухо, забирая документы из моих рук. — Ну, я так... Вдруг вас именно это интересовало, майор Котёночкина.

— Не обольщайтесь, подполковник юстиции, я действую по инструкции. Всего доброго, товарищ Ломов. Если надумаете писать заявление – милости просим, — я не удержалась и поклонилась «барину», а после подхватила за шкирку Степана и потащила его к машине.

Так, на речку я ещё успею... А этим пусть Булкин занимается. Начальник я пока ещё или кто?

Чуйка редко стучала по моей черепушке так явно. Но сейчас сомнений, что этот придурок принесет мне огромные проблемы, не было...

Глава 7

Мне потребовалось минут пятнадцать, чтобы успокоиться. Сидела в машине перед участком, собирала остатки сил и дышала полной грудью под заунывную медитативную мелодию. В последний раз прошла по волосам, выдохнула и направилась в родное здание.

По пути вырвала из клумбы два длинных сорняка, поправила ограждение у буйного пионового куста и поднялась на крыльцо.

Булкин вскочил со стула, вытянулся, ожидая выволочки. И я уже было подумала, что он так заочно извиняется, что отпустил моего отпрыска. Но нет... За спиной Генки возникла тёмная голова с упрямыми вихрами.

— Ну, товарищ Котёночкин Матвей Александрович, показания давать готовы? Или ещё посидим?

— А вы, товарищ майор, не нарушаете ли моих прав? — цыкнул Мотя и подался к решетке, крепко хватая толстые прутья. — Вообще-то я несовершеннолетний.

— А вы дерзкий, Матвей Александрович, — я выдернула из-под Булки кресло на колёсиках, подкатила его к камере временного содержания и присела, внезапно ощутив, как меня заполняет усталость.

Сейчас хотелось закрыть глаза и уснуть, а не говорить с сыном по пятому кругу в попытке призвать его к благоразумию.

— То есть взрывая палёный фейерверк, украденный из склада временного хранения — это вы взрослый... Не ночевать дома, боясь получить за возмутительную выходку — это вы тоже взрослый. А про побег на междугороднем автобусе я вовсе молчу! — вскрикнула я, выпуская последние капли злости, а взамен впуская полное бессилие и безразличие. — Но провести в камере полтора часа — это преступление против несовершеннолетнего ребенка. Я всё верно сказала? Ничего не упустила?

— Мать... — выдохнул Мотя и опустился на скамейку, утыкаясь взглядом в пол. — Прости.

— Матвей, знаешь притчу о мальчике, будившем деревню криками «Пожар!»? Так вот ты тот самый мальчишка... Ты за этот месяц столько раз просил у меня прощения, а после вновь и вновь нарушал данное слово, что я уже и не верю тебе. Очень хочу, видит Бог, я очень хочу тебе верить, но не получается, — говорила тихо, но это возымело обратный эффект.

Булка прижался к стене, нервно сглатывал слюну, Матвей и вовсе шмыгал носом, не рискуя поднять на меня глаза.

— Как вы достали фейерверк?

Я до сих пор в ужасе от вчерашней выходки детей. Помню, как бежала к реке, молясь, только бы никому не оторвало руки!

Уже второй месяц на трассе орудует какая-то банда хулиганов. Они вскрывают фуры, пакостят, крадут... При выезде на подобные преступления мной и была изъята партия нелегальной пиротехники. Часть была потеряна, но остатки мы разместили на складе. Я неделю обрывала телефоны, требуя забрать у меня вещдоки, но кому это нужно? Никому... А вот местным хулиганам уж очень хотелось праздника. Вот они его себе и организовали, вскрыли склад, забрали пару коробок и устроили световое шоу.

Мне даже генерал звонил среди ночи! Такую выволочку закатил, что до сих пор ухо горело от толщи выслушанного мата.

Зато сынульке моему было весело... Так обиделся, что не явился ночевать домой.

Хотел наказать меня! Но я-то знала, что Мотя спит в бане, поэтому особо чувством вины не маялась.

Чёрт, как сложно растить парня без отца. Да что я говорю? Будь на его месте дочь, сложностей меньше бы не стало.

— Ну, мам... — Мотя закатил глаза, дав понять, что подельников своих он сдавать не намерен.

— Ну, хорошо. Не хотите явку с повинной, я сама вычислю каждого. А потом приду к вам в лицей с лекцией о скользкой дорожке, на которую сворачивают перспективные подростки, прежде чем оказаться на малолетке. Думаешь, один раз украл, один раз сбежал — это не считается? Считаешь, имеешь на это право? Моть... А я вот думаю, что избаловала тебя, — я поднялась, открыла замок и распахнула дверь. — Даже самое безобидное действие порой оборачивается трагедией. Подумай об этом, а теперь уходи.

— Куда уходить? — Мотя открыл от удивления рот, захлопал глазами. — Мать, ты чего?

— А куда хочешь, туда и иди. Только сделай одолжение? Не нужно больше извиняться, — прошептала, а после бросила ключи Генке на стол и вышла из участка.

Прыгнула в машину и направилась к речке, где меня ждали девки.

Я летела на всех парусах, на ходу расстегивая форменную рубашку. Хотелось содрать этот мундир, чтобы забыть, что я — мент, а мой сын только что воспользовался этим и избежал наказания.

Олька бултыхалась в воде, Анька распласталась на покрывале, принимая солнечные ванны уже ленивого августовского солнца.

Девчонки не сказали ни слова, когда я выбежала из машины, потому что на моем лице все было написано. Они понимающе кивнули... И было бы здорово, сохрани они это молчание хотя бы полчаса! Но вместо этого над рекой прокатился залп их смеха...

— Лен, ты чего, вот так ездил, что ли? — сквозь смех произнесла Анька, а после поднялась и начала меня крутить, как куклу. — Майор Котёночкина, ты серьёзно?

— А что такое?

Я отбросила руки подруги. Крутанула юбку и тихо заскулила... Собиралась я впопыхах, оттого и натянула на себя первое, что попало под руку. И вот сегодня, когда я вынуждена была противостоять прокурору, я натянула старую юбку с треснувшим швом!

Так вот чего он ржал? Вот почему пялился? Трусики моего купальника рассматривал?

— Козёл! Какой же он козёл! — взревела я, содрала форму и занырнула в реку, легко оттолкнувшись от края деревянного мостика.

Ненавижу прокуроров... Но, как ни странно, сегодня я ему даже немного благодарна. Если бы этот придурок не явился, то вся злость рухнула бы на Мотю, а я и так не уверена, что, вернувшись домой, обнаружу сына.

Плыла против течения, нарочно изматывая себя до полного иступления. Вода уже была прохладная, не успевала прогреваться за день. Но это было даже на руку. Она остужала бурлящую кровь и стыд...

— Рассказывай, — протянула Аня, проплывая мимо меня на надувном фламинго кислотно-розового цвета. — Говори давай, а то лопнешь!

— К нам приехал ревизор! — выдохнула и окунулась с головой под воду.

— Кто??? — крикнула Ольга с мостика.

Олька не умела плавать, поэтому всегда тусовалась на берегу, но любопытство мучило ей, поэтому она подошла на самый край деревянного пирса.

— Прокурор в кожаном пальто! — выдохнула, откинула с лица мокрые пряди и направилась к берегу.

— Стой! — Анька неуклюже гребла руками, пытаясь меня догнать. — Это что, правда? Он уже здесь? И что? Так это поэтому тебя выдернули?

— Нет, меня выдернули, потому что с автобуса опять ссадили моего сына, а когда я ворвалась в участок, за решеткой сидел незнакомец. Его обворовали на заправке у города...

Степан Стешко вытащил из машины прокурора портмоне со всеми документами! — я укуталась в полотенце, рухнула на покрывало и подставила лицо солнышку. — Девки, мне капец... Вчера генерал дал втык по жалобам от перепуганных жителей за несанкционированный салют, сегодня Ломова обокрали на подконтрольной мне территории. Это конец... Я и так ВРИО, а теперь и вовсе буду полы мыть в участке.

— Котёночкина, а ну брось суету! Это мы ещё посмотрим, — Анька с помощью Ольки уже выбралась из своего фламинго на берег, и девчонки окружили меня, подсовывая то бутылку холодной воды, то румяное яблочко. — Что, прокурор страшный? Какого черта его сослали в нашу глушь?

— Да нет... — я вдруг вспомнила голубые глаза, густую щетину и крупные мягкие губы. — Очень даже ничего. Высокий, мощный, а глаза... Пьяные-пьяные!

— А ты его соблазни! — вдруг выдала одну из своих «гениальных» идей Олька. Она дернула меня за руку, заставив принять вертикальное положение. — Лен, тебе нужен союзник. Генерал тебе не помощник, он тебя десять лет завтраками кормит... А вот прокурор может помочь! Главное – перетянуть его на свою сторону. Ты помогла ему найти документы? Помогла... Он должен быть благодарен? Да в ногах должен у тебя...

Но по мере своей тирады Олька замедлялась и замедлялась, считывая по моему взгляду все, о чем я промолчала.

— Ой, дура... — протянула Анька, хлопнув ладонью по своему лбу.

— Ты че, Котёночкина, послала его? — охнула Олька и замолчала.

— Ну... Скажем так, я была совсем не любезна, недружелюбна и даже вполне агрессивна... Бабы, но вы бы его видели! Самодовольный индюк! Он же пялился на меня, как на экспонат в музее! Всё! Хватит! Мне не стыдно, он это заслужил, ясно?

— Ну, хоть не женат? — с надеждой протянул Аня.

— А они все не женаты, только вот отметка в паспорте имеется. Всё, бабы, идём домой, а? Чувствую, завтра меня ждёт непростой денёк...

Глава 8

Утро выдалось солнечным... И будь у меня хорошее настроение, я бы подумала, что это добрый знак.

Я успела выпить три чашки кофе под тенью раскидистой яблони, ещё раз осмотреть соседский домик, словно за ночь с ним могло что-то произойти. И обычно не находилось никаких отличий. Но сегодня было одно... Окно в кухне было открыто! И это не щель от сквозняка, а распахнутая настежь створка.

— Мать, ты что, так и будешь молчать? — на веранду вышел сонный Мотя.

Он растирал глаза своими кулаками, вот только если раньше этот жест вызывал умиление, то сейчас выглядел устрашающе. Кулачищи огромные, руки крепкие, загорелые, а от художного телосложения не осталось и следа. Мотя потянулся, схватился за верхнюю балясину и повис на ней, даже не отрывая ступней от пола.

Мне вчера пришлось тащить стремянку, чтобы повесить кашпо с петуньями! Боже, как летит время. Через полгода ему исполнится восемнадцать, и он официально перестанет быть моим малышом...

— Мать, ну хватит, а? — взмолился сын, но сойти с веранды так и не решился.

Я отвернулась, делая вид, что ловлю утренние лучи солнца, прищурилась, а сама достала телефон, набирая Булкину.

— Да, Елена Павловна...

— Булкин, я просила тебя найти адрес моего бывшего мужа, ты нашёл? — прошептала, чтобы Мотя не услышал.

Решение найти Сашку давно уже зудело на подкорках. Я даже несколько раз предпринимала попытку. Особенно когда Мотя резко вырастал из всей одежды, когда его ножка вдруг превратилась в лапу сорок пятого размера. Или когда у его сверстников стали появляться дорожные приставки, планшеты, компьютеры и телефоны.

Меня разрывало от желания дать сыну все, чего заслуживает ребёнок, зачатый не случайно, а в любви и в законном браке. Да, пусть поспешном, ещё детском, но браке!

Однако проблема в том, что все эти семнадцать лет я была совершенно одна, я научилась справляться абсолютно со всем. И если сначала мне безумно хотелось найти его, плюнуть в рожу и рассказать, какую шикарную женщину он потерял, то теперь стало всё равно...

— Да нет его в системе, а значит, он поменял фамилию. Елена Павловна, я перерыл базу умерших, даже проверил тюрьмы, вдруг там всплывёт. Ну, нет такого! — с жаром выдал Генка. — Может, стоит подключить ФСБ? Уверен, что у вас там есть парочка знакомых.

— Булка, ты ещё ФБР и ЦРУ вспомни. Давай напишем им, что у нас просто нерадивый горе-отец потерялся, запамятававший, что у него есть почти совершеннолетний сын, не получивший ни копейки алиментов... Вдруг они его видели?

Пока я залпом тараторила свою едкую застарелую обиду, краем глаз заметила, как мимо проезжает внедорожник. Белый, сверкающий, медленно крадущийся, словно кто-то искал определенный адрес.

Я медленно поднялась, до сих пор слушая глупые извинения Булкина. Из водительского окна автомобиля вдруг высунулась женская голова, от ветра вверх взмыли густые локоны, и послышался звонкий смех.

И вдруг внедорожник затормозил... Ровно перед белоснежным штакетником дома моей мечты.

Меня током шандарахнуло. Все эти разговоры о потенциальном соседстве с бандитом были нелепостью. Я не верила, что это может быть правдой. Но теперь сущий кошмар стал обретать реальные черты.

Суетой по соседству заинтересовался и Мотя. Он присел на ограждение веранды, попил компот прямо из трёхлитровой банки, внимательно наблюдая за движением справа.

— Куда ты, Мотя, сбегашь? У тебя есть адрес? — я вскочила, на ходу затягивая пояс халата.

— Нет, — сын упрямо махнул головой.

— Матвей, люди не предпринимают упорных попыток сбежать, не имея на то оснований. И не думай, что я поверю в то, что ты просто будешь обходить город и спрашивать у случайных прохожих: «А вы папу моего не видели?».

— А ты что предлагаешь? — пробурчал Мотя.

— Предлагаю не врать матери. Сколько раз я тебя просила рассказать правду? — я встала на цыпочки, пытаюсь дотянуться до Моти. — Если у тебя есть адрес, имя и фамилия, то скажи, и тогда мы все решим, как взрослые. Потому что сейчас это похоже на дурную комедию, где мать-истеричка ловит сопляка, решившего, что ген отца передается воздушно-капельным путём. Я несу за тебя ответственность, я – твой официальный опекун, и поверь, с юридической точки зрения у меня больше прав, чем ты думаешь! — шлёпнула кружкой по ограждению и собралась было уже подняться в дом, как взгляд упал на соседские ворота.

Поверх забора туда-сюда носилась женская голова с буйной гривой кудрей, закрепленных на макушке пёстрым шелковым платком. В щелях между штакетником плохо, но можно было рассмотреть отличную крепкую фигуру, модные джинсы, майку и развевающуюся льняную рубашку. Не дамочка, а экранная домохозяйка. Её небрежность и та казалась отретипированной, идеальной.

Женщина напевала веселую песенку и таскала коробки, пакеты, при этом делала это совершенно играючи.

И тут дверь внедорожника распахнулась, громко бухнув о створку нашей калитки, и из салона выбрался высокий плечистый подросток в огромных наушниках.

— Э, чувак, аккуратней, может, будешь? — Мотя отреагировал мгновенно, я даже не успела схватить его за руку! Сын рванул к забору разъяренным львом.

— А то что? — огрызнулся подросток по ту сторону забора и рывком скинул наушники на шею.

Будь я на тот момент внимательнее, заметила бы знакомые прозрачно-голубые глаза и сопоставила бы весь пазл в единую картину, но мне было не до этого...

Я попыталась собрать волосы, чтобы не опозориться на первом знакомстве с соседями, снова затянула пояс шелкового халата и помчалась следом.

— А то плохо будет! — Мотя подтянулся на заборе, нависая над соседом. — Проверишь?

— А в вашей деревне тут все такие нежные? — пацан махнул рюкзаком и, сам того не подозревая, бросил его на куст сирени, посаженный горячо любимым Мотькой дедушкой. И это стало началом конца...

Матвей прыжком пантеры рванул на соседа, и над сонной улицей частного сектора разнесся визг.

— Фёдор!!! — кричала женщина, пытаюсь разнять клубок подростковых гормонов, пока я оббегала забор.

— Матвей!!! — вторила я, падая на разбойников сверху.

Руки взмывали в воздух, я не понимала, за кого хвататься, поэтому приняла решение применять силу, а уже потом разбираться с последствиями.

Парни сцепились ни на жизнь, а на смерть. Шипели, рычали, готовы были глотки друг другу грызть.

Мне каким-то чудом удалось протиснуться между этими недозрелыми маврами, от напряжения я не могла кричать, дышала-то через раз. Чуть сдвинула руку, умудрившись перехватить сына за локоть и вытолкнуть из этого клубка ярости.

Соседка вмиг сориентировалась, поймала Мотьку, чтобы тот не вздумал снова броситься на обидчика. Но... Соседский пацан оказался не так ловок...

Я словно в замедленной съемке видела, как к моему лицу приближается кулак, измазанный в грязи от ночного дождика и вспаханной клумбы с белоснежными ромашками.

Я попыталась увернуться, но оказалась запутанной в руках парня.

И вспышка... У меня аж дыхание перехватило, а перед глазами засверкали яркие искорки, как в ту ночь, когда сын решил устроить салют.

— Ах ты козёл! Да я за мать тебе...

Дальше я ничего не слышала. Звуки скомкались, в ушах забухало, а после исчезло солнце... Что-то нависло надо мной тяжелой тучей, и я взмыла в воздух.

— Эй, майорша, ты жива?

Глава 9

Денис

Ощущение легкости и свежесть мыслей растворилось буквально через час после начала первого рабочего дня. Стоит признать, что я давненько так не высыпался. Новый дом хоть и был пуст и провонял пылью и затхлостью нежилого помещения, но стоило открыть все окна и рухнуть на кровать, я тут же отключился, ни разу не проснувшись за ночь.

Поднялся без будильника, а после меня огорошила неприятная новость – в доме не было воды, а как её запустить, спросонья я даже разбираться не стал. Спозаранку рванул к сестре, чтобы принять душ, переодеться и оставить ей ключи от нового жилья.

Фёдора нужно было перевозить на новое место, чтобы он обвыкся, нашёл дорогу к лицу, а Люська поможет обустроить дом.

— Ломов! — окрикнул меня Собольков, когда я выходил из отдела кадров, где подписывал никому не нужную тучу документов.

— Да, Степан Львович, — на ходу отдал помощнику стопку дел, которые уже просмотрел. Но Собольков стопорнул того и бегло пробежался по папкам.

— Хм-м-м. Ты что, дела бывшего прокурора пересматриваешь?

— Конечно. Обязан же я понимать, какое наследство мне досталось? Кстати, должен вас огорчить, сорок процентов вернётся с апелляцией. Быть может, пройдем ко мне? Не коридорный разговор, — я указал на свой кабинет и первым прошёл в приёмную.

Собольков остановился, хоть и был недоволен тоном моего голоса, очевидно, в этом месте принято лебезить и пресмыкаться, но тогда ему сильно не повезло.

— Так за что сняли моего предшественника?

— Брось, Ломов, ты отличный прокурор, и твоих связей достаточно, чтобы узнать, какой размер обуви носил Золотавин. И ты прекрасно знаешь, за что его сняли и кому он перешёл дорогу. Вот только, Денис Ильич, тебя просто из столицы сослали, а с него погоны сорвали без права на реабилитацию, — Степан Львович было развернулся, чтобы выйти, очевидно, решив, что разговор закончен.

— А вы правы, товарищ старший советник юстиции. Вот только меня убрали за то, что я хотел посадить одного ублюдка, а Золотавина — за то, что он всячески пытался прикрыть. Если вы считаете, что здесь нет разницы, то, пожалуй, я начну рыть дальше, — сел в кресло и сделал глоток уже давно остывшего кофе.

— Ломов, вместо того, чтобы ковыряться в прошлом, советую продолжить знакомство в настоящем. Ты слышал, что у нас вторую неделю орудует банда, нападающая на фуры? — Собольков оттянул ворот, будто ему дышать стало нечем. — Поезжай, заодно проветришься.

— А давно у нас прокуроры выезжают на место кражи? Это даже не убийство, Степан Львович, — я рассмеялся, внезапно поняв, что этот старый перец что-то скрывает. Какого чёрта он покрывает Золотавина?

— Слышал, ты вчера был задержан и побывал с экскурсией у Котёночкиной? Я, кстати, устроил ей разнос с самого утра, думаю, тебе она сегодня будет рада, как никогда, — Собольков улыбался, как кот, нажравшийся сметаны. — А на завтра я её вызвал на ковёр из-за массовой жалобы. Подростки вскрыли склад временного хранения, стащили изъятую пиротехнику и устроили салют на берегу реки. Они чуть близлежащие посёлки не спалили! Куда она смотрела?

— А удобно вы устроились, Степан Львович... Вечная ВРИО — отличная мишень, да? Можно всю грязную работу отдавать, наказывать, срывать злость. Кажется, задерживала Золотавина тоже она? А ведь у него было так много друзей... Вы знали, что Котёночкиной устроили бойкот?

— И как же ты успел обзавестись слухами за первые сутки в нашем городе? Но мне её искренне жаль... Что сказать? Баба во главе участка — всегда к беде. Поэтому она и ВРИО. А в нашей работе нужно уметь находить общий язык с коллегами. И последнее... Ломов, ты, наверное, забыл, что Котёночкина не находится в моём подчинении?

— Точно! — я хлопнул по столу, поднялся, стянул со спинки пиджак и направился на выход. — Ой, я такой сухарь бесчувственный, даже не уточнил, как ваша семья? Слышал, зять уже стал начальником в управлении МВД. А как ваш брат? Очередной мэрский срок мотает? Поздравляю...

Город другой, а козлины все те же... И я всё тот же. Интересно, куда меня отправят отсюда? В тундру?

Я даже переодеться не стал, так и прыгнул в машину и помчался на место преступления.

Идея неплохая, территория приграничная, значит, успею познакомиться с ещё парочкой нужных людей. В карманебрякнул телефон, Люся прислала СМС, что они подъезжают к дому.

Мне по пути, поэтому проеду через них...

Нет, огромный плюс перед столицей определенно был. Полное отсутствие пробок, нет мельтешения толп горожан и туристов, в конторе все какие-то медленные, без суеты мыслей.

Частный сектор, где удалось купить дом, был прямо в самом центре города. Недалеко набережная, официальный пляж, причал с катерами. Улицы широкие, чистые, укрытые тенью высоких деревьев.

Но стоило мне свернуть в переулок, как я сразу всё понял... В окно машины влетали дикий визг и глухие стуки. А из открытых ворот виднелись стройные женские ножки и кеды моего сына. Но проблема в том, что ноги были в горизонтальном положении и дергались так, будто там происходила схватка.

— Какого чёрта?

Я вылетел из машины и знатно охренел... Люська орала и как могла удерживала знакомого по полицейскому участку пацана, а вот мой отпрыск валялся с мадам Котёночкиной. Он размахивал кулаками, а майорша пыталась выпутаться из его объятий.

И пока я щёлкал клювом, случилось непоправимое... Кулак моего сына впечатался прямиком в челюсть Котёночкиной.

— Фёдор! — я отбросил своего отпрыска одним движением, с ужасом осматривая крошечного котёнка... Это всё, что осталось от майорши Котёночкиной.

Без формы и кителя она казалась юной девушкой. Густые вьющиеся волосы запутались в клумбе с ромашками. У неё лицо даже другое было... Спала железная маска блюстителя закона, выпуская на волю женскую красоту: румяные щеки, пухлый бантик аккуратных губ, вздёрнутый носик и огромные голубые глаза.

— Эй, майорша, ты жива? — я поднял её на руки, стараясь не смотреть в распахнутый ворот шелкового халата.

Вот это амуниция... Боеготовность на высшем уровне. Это она для мужа так старается?

Лена растерянно крутила глазами, хмурила брови, будто пыталась прийти в себя.

— Придурок! Я убью тебя! — вновь завопил Матвей, пытаясь вырваться из рук Люси, но та была надежна, как президентский караул.

— Простите! Я не хотел! — к этому моменту очнулся и Федька, он проигнорировал вой Матвея, вскочил на ноги и бросился ко мне.

— Ломов??? — во всю глотку заорала Котёночкина и начала брыкаться, явно намекая, что уже можно поставить её на ноги. — Какого черта вы тут делаете?

— Мать, это кто?

— Матвей!!!! — как только я поставил её на землю, Лена схватилась за забор и быстро затянула халат. — Марш домой!

— Но...

— Никаких но! Марш за забор!

— Никуда я один не пойду, — Матвей вдруг схватил мать, закинул себе на плечо и рванул на свою сторону участка. — Вы вообще кто такие?

— А мы теперь ваши соседи, — присвистнул Федя, когда Мотя развернулся, сверкнув длинными ножками матери.

— Ну, всё, придурок, ты – покойник!

— Так! Стоп! — пришла моя очередь кричать. — Может, мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит?

— Видимо, знакомство с соседями, — Люся отвесила звонкую затрещину Феде, подошла ближе и развернулась к Котёночкиной. — Так, давайте все успокоимся и начнём заново?

— Значит, товарищ прокурор, это вы купили дом? — Лена не шептала, она шипела разъярённой коброй, прижимая к челюсти испачканную руку.

— Елена Павловна, я не хочу разбираться в причинах, просто приношу свои глубочайшие извинения за своего сына. Фёдор!

— Я правда не хотел, — Федька явно извинялся не за драку, а за тот удар, от которого на скуле майорши расплзается кровоподтёк. — Если бы этот козёл...

— Заткнись! — Мотя снова дёрнулся, но Лена ловко перехватила его и так же ловко заломила руку, прижимая к забору.

— Матвей, ты что-то хотел сказать нашим новым соседям? — ей пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до уха своего сына.

— Простите, соседи... — прозвучало лживо, неискренне, и всем стало понятно, что сейчас мы стоим на пороге перманентной атомной войны.

И дело не только в пацанах. Взгляд Елены тоже не обещал ничего хорошего. Она была в ярости, её грудная клетка раздувалась, как воздушный шар.

Но деваться всё равно некуда... Рядом с лицом найти жильё просто невозможно! Не один я хочу светлого будущего своему сыну, оттого и ажиотаж.

— Итак, давайте знакомиться? — Люся сориентировалась и встала между нами нейтральной преградой. — Меня Людмила зовут, это Фёдор, он будет ходить в местную школу...

— Какого чёрта? Этот придурок ещё и в моей школе будет учиться?

— Лена, — Котёночкина перебросила руку и ответила на рукопожатие Люси. — А это Матвей.

— Чтобы загладить это происшествие, предлагаю дружественный ужин, — Люся улыбалась, как могла, стойко терпела мои тычки и недовольное шипение Федьки. — Это не обсуждается! Буду ждать вас вечером! А пока вы, Елена, будете на работе, даю слово, что прослежу, чтобы эти два прытких паренька не убили друг друга. Договорились?

— Договорились, — кивнула Лена. — Да и сложно что-то натворить, будучи запертым в доме!

— Ну, мам! — застонал Матвей.

— Отличная идея... — я толкнул Федьку, указывая на дом. — Кстати, Елена Павловна, нас там на вызове ждут. Очередное нападение на фуру.

— Прокурора мне там только не хватало...

Глава 10

Лена

— Мать, этот мужик правда прокурор? — Мотыка даже не пытался говорить тише! Шёл и постоянно оборачивался на своего соперника, ещё и порывивал, как шкодливых щенков.

А я буквально от стыда сгорала... И за сына, и за эту ситуацию, и за свой внешний вид.

Ну почему им не схлестнуться, когда я была бы уже облачена в форму? Так колкости воспринимаются проще. А в тонком халате я словно голая была перед этим столичным ястребом.

А взгляд... Он же не смотрел, а паяльником по моей коже водил, ожоги кружевом раскладывая. И ведь не стыдно было ни капельки! У них там совесть в обмен на столичную прописку меняют, что ли?

— Мотя, ты зачем в драку бросился? — я мысленно отмахнулась от Ломова, потому что он недостоин моего внимания. — Я тебя просто не узнаю в последнее время!

И это была чистая правда... Как только мы завернули за угол веранды, увитый густым виноградом, я перехватила сына за руку и встряхнула, заставив посмотреть себе в глаза.

Я просто не успевала за его трансформацией! Если честно, острого переходного возраста я ждала лет в тринадцать, но мой сынок решил удивить маман... Он был покладистым котёнком, не позволяющим себе шипеть на меня. Но теперь, за четыре месяца до совершеннолетия, он решил оптом выдать все, что я недополучила?

Никогда не видела, как Мотя дерётся. Нет, он приходил то с синяком, то с ссадиной. Да и слухи гуляли разные. Но чтобы воочию наблюдать, как мой котёнок на ходу в молодого тигра превращается — этот нонсенс!

Как он через забор-то перемахнул? Я и глазом не успела моргнуть...

— А я ненавижу таких вот наглых папкиных сынков. Он же нарочно дверью наши ворота шмякнул, — Матвей не сопротивлялся, руку не отрывал, смотрел прямо, готовясь принять всё, что ему полагается. — Мать, я что, подставил тебя?

И вдруг сын дёрнулся, растерянно оборачиваясь к соседскому участку.

Ага... Понял, говнюк, что мать прокуроришке втюхать задарма хотел?

Нет, милый... Придётся помучиться ещё со своей одинокой мамулей.

— А что ты покраснел? Что-то случилось? — зашипела я, пытаюсь поймать его взгляд.

— Чёрт, ты всё знаешь? — сын округлил глаза, нервно прошелся пятерней по волосам и заскулил. — Мам, да я в шутку сказал... Меня Булка к камере пристегнул, а там он. А я такой злой был, что готов был и душу черту отдать. Ну а что? Он холостой, кольца нет, морда сносная, хоть и наглая, почти бандитская. А ты у меня красотка!

— Мотя, ты мне зубы не заговаривай! — я было улыбнулась, но скулу вдруг пронзило острой болью.

— Я убью этого щегла, — прохрипел Мотя и потянул меня в дом. — И прокурор пусть забудет о моём шикарном предложении.

— Что, торги не удались? Не продал залежавшийся товар? — я прищурилась, пытаюсь понять, как поступить правильнее. Спустить все на тормозах — показать свою слабость. Переборщить — получить новый побег. А я пока не решила, что из этого хуже.

Сын усадил меня в кресло у круглого стола, вынул из морозилки целую курицу, обмотал вафельным полотенцем и приложил к челюсти.

Мотя сам встал на колени и голову свою уложил мне на ноги.

— Итак, Матвей Александрович, с этого дня в доме объявляется военное положение. Приходится констатировать, что ты сильно вляпался. Склад временного хранения вскрыли? Салют на всю область устроили? Мать твоя на ковёр к генералу вызвана? Морду отпрыску прокурорскому начистил? ...

— Этот отпрыск ударил тебя, а значит, пусть только его папаша попробует кляuzu на тебя накатать! Я им дом сожгу, — прошептал сын, причем в искренности его намерений я уже не сомневалась.

— Замолчи! Я даже слышать это не хочу! Матвей, кто надоумил тебя украсть пиротехнику? Говори!

— Мам, я не скажу...

— Хорошо... Сбежать ты куда собирался? — я резко сменила тему, рассчитывая, что от неожиданности он расколется, ну, собственно, так оно и вышло. Да здравствуют пять лет обучения в академии.

— К отцу! — в сердцах ответил Мотя, поняв, что вариантов отнекиваться уже нет.

— Если у тебя есть адрес, скажи, и мы вместе съездим. Если есть телефон, дай, и я сама ему позвоню и договорюсь о вашей встрече. Моть, но не смей смываться в никуда...

— Ты что... Ты... — сынок оказался растерянным, хлопал глазами, вновь превратившись в котёнка. — Ты правда не знаешь, где он живёт?

И вот тут у меня сложилось... Внутри что-то щелкнуло, обдав меня холодным потом.

Нет, этот щенок доконает меня!

— Ты что, на понт меня брал? Сбежал, чтобы я психанула и отвезла тебя к твоему папаше? — осенило меня, правда, слишком поздно. Вот я дура... Столько нервов себе вытрепала, а он просто издевался?

Я вскочила с кресла и в компании ледяной куры помчалась к себе в комнату. Захлопнула дверь прямо перед Мотькиным носом и начала собираться.

— Мам... Ну открой! Я слышал, как вы с тетей Аней говорили про маму Петьки Сологуба... Она знала, где отец Петькин, но продолжала басни про моряка, героически сражавшегося с акулами, рассказывать. Вот я и решил тебя проверить, — Мотя тихонько постукивал в створку двери, вымаливая прощения.

— Я не похожа на Любу Сологуб, и про акул тебе никогда не рассказывала. Твой отец сбежал, когда тебе был год, и больше я его не видела. Нашим разводом занимался твой дед, избавив меня от необходимости встречаться!

Я мгновенно переделась, собрала волосы, даже машинально накрутила.

— Когда ты в первый раз сбежал, я попыталась найти твоего отца, чтобы приехать и грохнуть! Но попытка провалилась. И вчера Булкин снова сделал запрос, но, увы... Матвей, я не знаю, где твой отец! — я распахнула дверь и ловко просочилась мимо своего замороженного Кинг-Конга.

— Чёрт... — захныкал он, оседая на пол.

— А теперь слушай родителя, который не сбежал от своего дитятки и стойко выносит его выходки, потому что любит так сильно, что порой убить хочется. С сегодняшнего дня ты под домашним арестом. Гулянки — только по согласованию, на реку — только в моём присутствии, как в детстве, — на ходу схватила два бутерброда, завернула в пергамент и бросила в сумку, на всякий случай. В прошлый раз на трассе пришлось простоять пять часов без воды и еды. — Наказание заканчивается первого сентября, когда тебя, нарядного и причёсанного, отведу в школу. Ты будешь любезен, возьмешь букетик для учительницы и сфотографируешься на крыльце лица, дав мне доказательства для будущих внуков, что их отец был не хулиганом, а хорошим и добрым мальчиком.

Я еле сдерживала улыбку, представляя, на какие муки обрекаю сына. Ограничения, прогулка на линейку — это же хуже, чем отлучение от игровой приставки. А про фото я вообще молчу!

— Но мам...

— И только попробуй подойти к соседскому забору ближе, чем на три метра! Ясно?

— О! А это не тётя Оля? — вместо покорного кивка мой сынок ткнул пальцем в распахнутое окно, выходящее на дорогу.

И вот тут я знатно прифигела... По нашему переулку, нацепив все самое лучшее, гордыми гусынями шел косяк женщин. Они не сбивались в группы, по мере приближения к моему дому их шаг ускорялся, они словно пытались опередить друг друга, не выдав злости на своих празднично накрашенных лицах.

— Какого черта? — я затянула галстук, подхватила сумку и выскочила из дома, наблюдая этот косяк одиночек, примагничивающийся к соседскому дому.

Быстро у нас слухи разносятся...

Но ничего, будет им урок!

Я аккуратно высунулась за угол, со ступенек соседский участок был как на ладони. Фёдор до сих пор уныло и очень медленно, будто назло всему миру, таскал сумки, Ломов устал ждать и начал вышвыривать их из багажника, тихо бурча себе под нос, а вот той дамочки рядом видно не было.

— Леночка! — на плечи легли родные руки подружки, Аня чмокнула меня в щеку, но я тут же зашипела, а Аня взвизгнула, осматривая мой назревающий синяк.

— Мать, держи! — Мотя вынес мне бедную курицу, с которой, очевидно, мне придется таскаться, пока она полностью не разморозится.

— Лена, это что такое? — Аня аккуратно схватила меня за подбородок и развернула к солнцу.

— Шальная пуля. Аня, а что случилось? Куда наша Оля свой фирменный пирог с персиками тащит? — я свистнула, пытаюсь привлечь внимание Оли, но та уже вошла в раж... Она так ловко петляла между соседками, некоторых даже отталкивала локтями, пытаюсь добраться до калитки Ломова первой.

— Изголодалась баба... Вот видишь? Она тебя подрезала, хотя вчера и заливала, что мужик тебе нужен нормальный, а я тут — с тобой рядом! Чуешь настоящую преданность лучшей подружки? — гордо произнесла Аня, а после достала косметичку и начала маскировать мою отметину.

— И это он нормальный мужик? — шикнул Мотя. — Сын у него — щегол неотёсанный, мы таких кошмарили, кошмарим и кошмарить будем! А сам он — прокурор! У матери на них аллергия, об этом даже я знаю.

— Оденься, кошмарик ты мой, — Аня прищипнула, рассматривая моего раздавленного вширь богатыря.

— Аня, — ласково протянула я, заглядывая подружке в глаза. — Скажи честно! У тебя просто шарлотка не удалась, поэтому ты тут?

— Да, — горько вздохнула Аня, мечтательно смотря на Ломова.

Секунда тишины, и залп дружного смеха. Мы обнялись и направились к калитке, за которой стояли наши машины.

— Идём, товарищ майор, работа ждёт! Леночка, а он, и правда, хорош. Высокий, статный, не зря наши бабы кудри вили всю ночь. А ты тоже хороша, подружка, не могла рассказать, что у тебя под боком холостяк спал? Я бы в кондитерке пирог заказала.

— Он в доме ночевал, что ли? — охнула я, но Аня было уже не до меня, она сорвала ветку черноплодки и начала целиться в нашу подружку, гордо проковылявшую мимо нас.

— Оля, а ты не опоздаешь? — подружка назло крикнула во все горло, та машинально обернулась, за что поплатилась... Та самая Сологуб воспользовалась моментом и опередила её.

— Эх, зря бабы стараются... Женат он, я сама штамп видела. А вот и супруга, — я прыгнула за руль, завела свою «япончку», указывая Ане на брюнетку, вышедшую на крыльцо дома моей мечты.

Если эта дамочка была в шоке, уставившись на толпу одиноких соседусшек, то Ломов был в настоящем ужасе. Он смотрел в их улыбающиеся лица с каким-то животным страхом, как на стадо зомби, охотящихся на его сердце.

— Товарищ прокурор, не опаздывайте! — крикнула я, проезжая мимо.

Глава 11

Ломов

Я глазам своим поверить не мог... Смотрел вверх штакетника на вереницу дамочек, движущихся на меня, как толпа зомби. Они, как жертвы какой-то секты, смотрели на меня и тянули руки с огромными блюдами угощений, словно языческому божеству плодородия несли дар.

И картина эта пугала до стылого ужаса в подреберье.

Меня сковал холод...

Валить надо! Срочно валить... С одной ещё можно разобраться, но что делать с толпой? Веслом отбиваться?

Как только я начал отходить, дамочки шаг свой ускорили. Особенно пугала пышногрудая блондинка, попутно поправляющая свои бидоны, чтобы они выигрышнее смотрелись в вырезе белоснежного платья.

Боже! Белоснежное платье и декольте – это смертельное комбо. Нет, они не знакомиться идут... Это крестный ход на холостяка.

Точно валить нужно.

— Денис, что это? — со спины подлетела Люська, смахивая с волос пышную пену. От сестры пахло хлоркой и едкой химией. Она, как истинная женщина, уже успела залить средством для дезинфекции весь дом. — Это что за отчаянные домохозяйки, переполненные гостеприимством?

— Люся, спасай меня... — я пятился, пытаюсь понять, где бы укрыться.

На кой черт я вообще решил заехать домой? Торчал бы около разграбленной фуры и не догадывался о смертельной концентрации женского отчаяния в этом городке.

— Эй, прокурор, — вдруг раздалось справа, когда я завернул за невысокий дровник, пока Люся брала весь удар на себя. — Могу вывести из-под огня за небольшую плату.

— Матвей? — я сразу узнал басистый голос соседского мальчишки и моего условного сокамерника. — Ты что, деньги у прокурора вымогаешь?

— Нет, если мать узнает, что я в свободное от учебы время занимаюсь вымогательством, то прикует меня цепью. А мне оно надо? — пацан высунул нос в широкую щель между плашками забора и хитро улыбнулся.

— Очевидно, нет. Итак? Твои предложения?

— Я выколочу пару плашек, и вы уйдете через наш участок, — пацан пожал плечами, будто это было так очевидно, что даже стыдно было произносить вслух.

— Кажется, забор целый, но ты как-то попал на наш участок, чтобы накостылять Федьке...

— Товарищ прокурор, я слишком молод, поэтому перемахнуть через забор — пустячное дело. А вот вам уже опасно рисковать. Радикулит, геморрой...

— Не продолжай, — я вскинул руку, останавливая поток медицинских терминов, которые даже не хотелось примерять к себе. — А что насчет моей машины?

— Тут я вам не помогу, — Матвей развёл руками. — Может, прогуляться пешочком? Вам куда нужно?

— Ты что, не умеешь водить машину? — вот пришла и моя очередь удивленно присвистывать.

— Моя мать — начальник полицейского участка. Она рано утром уходит на работу, а возвращается поздно вечером. Она пашет за двоих, чтобы я рос нормальным ребёнком. И поверьте, ей не до уроков вождения. — Мотя расхохотался, вот только глаза его были чистыми, не озлобленными, а значит, говорил он хоть и словами матери, но суть была верной. И парень

с этим смирился. — А ещё у неё не начальство, а сборище придурков. Если нужен крайний, то всегда прилетает Котёночкиной.

— Вот сегодняшняя рекламная акция имени твоей маман уже куда лучше. Растёшь... Матвей, а давай ближе к делу? Что тебе нужно?

— Я прошу не срывать злость на матери, — парню явно с трудом давались эти слова. Да и тон его голоса был скорее виноватым, чем бравым, как в день нашего знакомства. — Да, я сцепился с вашим сыном, но это не значит, что я подонок и опасный элемент общества. Я уже извинился, но если вы хотите, повторю ещё раз.

— Проехали, — вдруг раздалось из соседнего куста, а после ветки задрожали, и оттуда высунулась хитрая морда моего сына. — Как тебя там, Матвей? Я тоже вроде как был неправ, когда дал волю эмоциям. Да и мой хук должен был достаться не твоей маме, а тебе.

— Мечтай! — зашипел Мотя, пытаясь просунуться сквозь плашки. — Если бы не маман, я бы отделал тебя!

— Так, давайте остановимся, пока перемирие не обернулось новой дракой? — я усмехнулся, вдруг осознав, что стал свидетелем зарождающейся дружбы. — Давайте подумаем, как мне свалить отсюда?

— О! От этих гарпий-разведёнок слинять будет непросто, — хитро протянул Мотя. — Но я помогу, если вы дадите слово не усложнять и без того ухабистую жизнь матери.

— Даю слово, — я шлепнул по протянутой под забором ладони парня, завершая официальную часть сделки.

— Тогда разделимся, — Мотя вдруг приложился к плашке, и та с легкостью отлетела, открывая лаз. — Фёдь, я выведу твоего отца на параллельную улицу, а ты возьми тачку и догоняй.

— Куда ехать-то? — ахнул Фёдор, ловя связку ключей, переброшенную мной через забор.

— Прямо, направо, и ещё раз направо. Там будет огромная яблоня...

На том и порешали. Я, согнувшись в три погибели, рванул за Мотей вдоль густых зарослей малины, а Фёдор помчался к тачке.

— И часто твоя мама получает втык?

— Да постоянно. Ночь-полночь — звонят и дёргают. Сами-то дрыхнут, а маман у меня мотыляется по всему участку, делая работу за себя и за того парня, — Матвей с опаской посмотрел на меня, будто пытался понять, с какой целью я это все выпрашиваю.

Признаться, мне не давала покоя утренняя информация, добытая по своим каналам. Это было нонсенсом! Прокурора задерживал обычный участковый? Сначала это выглядело как анекдот, а потом стало понятно, что Котёночкину подставили взрослые дяди. Они боялись резонанса, не хотели мелькать на фотографиях, да и шквал негодования никому не нужен.

Не то чтобы я был приверженцем женщин в нашей профессии. Да, они отличные и въедливые судьи, им свойственна справедливость, неподкупность и полная отдача своему делу. Встречал хороших прокуроров, следователей... Но быть подушкой для битья хамоватых генералов — так себе перспектива. А про оперативную работу я и вовсе молчу.

Я до сих пор не мог забыть, как она бросилась через поле задерживать того ненормального, что украл мои документы. И ведь не растерялась, швырнула ему в ноги палку, а после связала и даже глазом не моргнула.

Огонь бабонька...

— Ну, раз ты знаешь, как сильно достается матери, то какого черта вскрыл с друзьями склад? — я резко сменил тему, надеясь, что пацан растеряется, но тот лишь рассмеялся.

— Дядь, я с ментом живу, и расколоть на допросе меня может только она. Но ты молодец... Отличный заход, — парень обернулся, вслепую бредя по пожарному проходу между участками. — Но ты же должен меня понять? Своих я не сдаю.

— Матвей, запомни, что не сдают до тех пор, пока шкуру не прижмёт. Но ты сделал свой выбор, по факту сдав своего человека. Вот ты мне целую лекцию прочитал, потому что о матери беспокоишься. А слабо самому себе это повторить? — я не очень люблю воспитывать детей, особенно чужих. Но здесь в логике парня определенно чувствовался провал.

Легко защищать любимого, когда на него нападают извне, но невыносимо сложно защищать дорогого человека от самого себя.

— А ты в семье один защитник? — внезапно брякнул я, на что парень отреагировал молниеносно. Мотя остановился как вкопанный, и в мою сторону полетели сотни острых клинков его бешеного взгляда.

— Дядь, а ведь я передумал, — прищурился хитрый подросток. — Если увижу, что ты подкатываешь к моей матери...

— Стоп... Хочу напомнить, что я прокурор, и твои слова подпадают под уголовку. Поэтому давай, Моть, выдыхай, и выведи меня отсюда!

Боже, как мне хотелось смеяться. Этот молодой кабанчик готов был драться за ту, кого очень сильно подставил.

— А я, дурак, подумал, что ваш сын приемный. Ан нет, одного поля ягодки вы. И признаться, сильно неприятные! — Матвей развернулся на пятках и шмыгнул в густые кусты.

Мда... В прокурорском кители через такие дебри я еще не продирался.

План побега удался, как только мы вышли на соседнюю улицу, где уже меня поджидал Фёдор.

Я проследил за тем, как подростки медленно плелись в сторону дома, разойдясь по разные стороны дороги, а после стартанул на точку, моргающую на мониторе навигатора.

Но путь мой оказался недолгим... Меня накрыло оглушающим дежавю. Стоило выехать на трассу, я заметил странное движение на поле. До фуры было несколько минут пути, поэтому сначала я не придал этому значения. Мало ли чокнутых, бегающих по полям?

Но потом среди уже аккуратных стогов убранного сена я увидел майоршу.

Котёночкина неслась за каким-то мужиком, размахивая табельным оружием.

— Чокнутый город! Ну, или просто чокнутая майорша...

Глава 12

Котёночкина

Я неслась по полю, не замечая, как стремительно расползаются мои чулки от колючей подсохшей травы. Правы были наши бабушки... Ну какой, к чёрту, капрон, при моей-то работе? Пора переходить на неубиваемый хлопок. Вернее, волокно неубиваемое, а вот мою женскую привлекательность оно уничтожит окончательно и бесповоротно.

— Майорша! Оставьте бедного мужчину в покое, не женится он на вас, — внезапный хохот ударил в затылок, я обернулась всего на мгновение, как тут же запнулась о размотавшуюся из стога проволоку и кубарем полетела вниз головой. — А я думаю, чего это вы с пирогами ко мне не явились? Что... По бандитам и уголовникам сохнете? Профдеформация?

— Прокурор-Прокурор-Прокурорище-е-е-е, — прошипела я, содрогаясь от фонтанирующей в его голосе иронии.

Да что ж он за человек такой? Дом моей мечты забрал, с ног своей внезапностью сбил, по морде от его отпрыска с утра уже получила. Он мне в наказание отправлен свыше? Но за что?

— Жива? — вдруг надо мной показалась довольная физиономия Ломова.

На фоне голубого безоблачного неба его глаза и вовсе стали прозрачными. Красивый мужчина... Тут даже спора нет. Высокий, видный, сильный. Не зря наши бабоньки поползли к нему с дарами. Осталось только понять, кто пустил слух...

— Котёночкина, вы что, мной любуетесь? — Ломов протянул руку помощи, а после одним рывком поднял меня с земли.

— Мы же договорились, что прокурор — не самая лучшая кандидатура для симпатии. И ваш сын сегодня поставил точку в нашем споре!

Сейчас я была злее, чем утром... Гналась за придурком, спрятавшимся в кустах у разграбленной фуры, чтобы споткнуться и упустить его?

Но стоило чуть повернуть голову, как заметила, что свободной левой рукой Ломов удерживает за шкирку того самого прыткого паренька, которого я заметила в подлесе.

Супермен, а не советник юстиции!

— Отпусти меня, Ломов, — я было дернула рукой, пытаюсь освободиться, но наглый прокурор только усилил хват. И вот теперь его взгляд точно не сулил ничего хорошего.

— Котёночкина, ты что, бессмертная? Это кто? — встряхнул паренька, а тот заскулил и все же поднял голову, открывая своё лицо.

— Он не успел смыться со своей компашкой и решил пересидеть в кустах, пока полиция не уедет, — я попыталась отвесить затрещину подростку, что уже в третий раз попадаетея в мои руки.

И в такие моменты мне становится очень жаль родителей, которым уже через час позвонят из отделения и вызовут, чтобы пожурить и постыдить. А ещё, когда я ловлю очередного запутавшегося ребенка, мне хочется поехать домой и обнять своего сына.

— Наручники, — Ломов протянул руку, а когда получил браслеты, ловко защелкнул их на запястьях паренька.

— Вы забыли сказать «пожалуйста». И вообще, я тоже арестована? Чего вы в меня вцепились? — я махнула рукой, напоминая Ломову, что он до сих пор меня удерживает. — Быть может, это не я отчаявшаяся разведенка? Быть может, вы тоже в активном поиске? Ах, да... Вы же женаты.

К этому времени у машины Ломова затормозила патрульный уазик. Очевидно, прокурорский китель творил чудеса, потому как патрульные буквально вприпрыжку бросились к нам на помощь. Они вытянулись в струну, на ходу представились и тут же перехватили задержанного.

— Советник юстиции Ломов, — рявкнул прокурор, передавая парня. — В отделение полиции его.

— В какое?

— В ближайшее! — Ломов повысил голос, что взбесило меня ещё больше. Да и вообще он вёл себя вполне странно, оборачивался, куда-то косился, дергал плечом, словно под пиджаком осталась колючая леска от бирки.

— Товарищ майор? — патрульный наконец-то обернулся ко мне, ища помощи.

— Там дальше оцепление у разграбленной фуры, капитан Косых проводит осмотр, уточни, в какой участок везти. Скажешь, что подарок от Котёночкиной, — я снова попыталась выдернуть руку из крепкой хватки Ломова.

— А вы умеете удивлять. Пожалуй, я не приглашу вас на свой день рождения во избежание таких вот подарков.

— Ломов, у нас на двоих один забор, поэтому приглашение мне больше не нужно.

— Ну, тогда прихватите ордер, чтобы я не ошалел от вашего добрососедства и не вызвал настоящих сотрудников полиции, — вдруг Ломов, не отпуская моей руки, рванул в куций пролесок, и в это же мгновение оттуда послышался шорох.

Но как только мы дошли до границы лесополосы, он отпустил меня, а после присел, подхватил меня и одним точным броском закинул на стог сена!

Это для нормальных людей было мгновение... А я словно в банке с киселем застряла. Каждая миллисекунда казалась вечностью. Эти огромные горячие ладони на моей заднице, мощный выдох и момент какой-то нелепой паузы, когда наши глаза поравнялись...

Заметила и судорожный бег, и странную пульсацию зрачков. В какой-то момент они превратились в точку, поглощенную прозрачной голубизной.

Дальше Ломов разогнул руки, то ли нечаянно, то ли специально поставив логическую точку в этом танце прокурора – он бесцеремонно царапнул носом по моему декольте, перед тем как забросить на стог.

— Ломов! Ты что творишь?

— Сидеть!

И вот это уже прозвучало как оскорбление. Ну ладно, не то чтобы сильное и душевное оскорбление, а простой унижительный приказ!

Я было вскочила, но тут же поняла, как сейчас выгляжу... Разодранные в клочья чулки, расстегнутая рубашка, перекрутившаяся юбка, в разрезе которой вызывающе торчал кружевной пояс чулка. Про волосы я вообще молчу...

Утро выдалось бодрым, я даже не успела выпрямить свои буйные локоны, поэтому мелкие кудряшки были утыканы соломой и мелким репьем.

— Боже... Почему я постоянно позорюсь перед этим мужланом?

Я содрала чулки, убрала в карман и тут поняла, что ничего не слышу... Тишина полная. Патрульная машина уже уехали, из-за оцепления автовладельцы выбирали другой маршрут, поэтому и дорога была пуста.

Пропал и Ломов...

— Ну и чёрт с ним! — Я дернула плечом, пытаюсь отмахнуться от мысли, что не просто так он меня закинул, как старую бабушкину шаль на пыльную антресоль. Перевернулась и, как в детстве, скатилась с копы сена, намереваясь двигаться в сторону трассы.

Но вдруг вдали послышался хлопок... Выстрел? Да нет, не похоже. Послышалось? Но перепуганный косяк птиц, взмывший с деревьев у дальней рощи, говорил об обратном.

И я опять побежала. Старалась выбирать дорогу, чтобы не расплосовать ноги, но поле – не зеленый альпийский луг, тут и сухоцветы, и репей попадается. Я ойкала и айкала, пока не ступила на влажный мягкий мох леса.

— Ломов! — шикнула, продираясь через густые заросли кустарника, но ответа не последовало.

Ветки были поломаны, словно Мамай прошелся, и по этому следу я и двигалась, пока не запнулась о старую рыхлую корягу. Приложила мизинцем так, что аж звёзды из глаз посыпались. И вдруг передо мной показался неглубокий ров, накрытый брезентовым маскировочным тентом.

Я присела на колени, пытаясь подцепить край. По выступающим формам было понятно, что под тентом спрятаны какие-то ящики.

— Где ты, чертов прокурор? Вот здесь бы ты мне точно пригодился, — как бы я ни тянулась, длины женских рук все равно не хватало. Сгруппировалась, зафиксировала ноги, схватилась за куст и сделала рывок.

И вот когда пальцы уже коснулись грубой ткани тента, колени поехали по влажному мху, а ветки выскользнули из ладони. И я снова полетела. Собственно, как начнешь день, так его и закончишь.

Я рухнула в яму, приземлившись копчиком прямиком на что-то твёрдое и острое. Взвыла от боли и перекатилась, сдирая ткань.

— Какого черта? — я с ужасом рассматривала залежи пиротехники.

— Котёночкина, — вдруг раздалось сверху.

У края ямы на корточках сидел Ломов собственной персоной. И смотрел он на меня, как кот на свежую сметану. Улыбка такая голодная, хищная, а глаза спрятались под хитрым прищуром.

— Оружие гони, майорша, — он протянул руку. — Банду брать будем. Ну? Хочешь орден на грудь?

— Моя грудь не для орденов. Да и ваш мужской брат скорее сдохнет, чем снизойдет до похвалы. Чёрт... Ломов, вы чего мне зубы заговариваете? Какая банда? Какое оружие? Я уже лет десять его только чищу и смазываю, а храню в сейфе! — вспыхнула я, продолжая сдирать тент. — Это же пиротехника, украденная со склада! Значит...

— Значит, сын твой ни при чем. Ладно, давай, майорша, помогу тебе по-соседски.

Ломов вновь протянул руку, схватил меня за запястья и как пушинку вытянул на край обрыва. Но шаг назад не сделал... И я оказалась в ловушке: сзади пропасть, впереди наглец, что уже вовсе не таится в своих визуальных ощупываниях моего тела.

Глава 13

— Руки держите при себе, товарищ прокурор! — выплюнула я и оттолкнула бугая, но тот стоял непоколебимой скалой.

— Котёночкина, а ты выбирай... Если уберу руки, то ты свалишься.

— А если и дальше продолжите щупать меня за задницу, то получите сначала по морде, а потом жалобу в отдел собственной безопасности. Может, у вас в столице так принято, у нас домогательства на работе порицаются! — я мысленно себя похвалила за четко сформулированную позицию, вот только эффекта она не возымела. Ломов как пялился, так и продолжил, не испытывая по этому поводу никаких терзаний.

— Кем?

— Что кем?

— Ну, кем порицается?

— Мной! — я взорвалась и оттолкнула его, успев при этом отпрыгнуть в сторону.

— Так сразу бы и сказала. Всё-всё, Котёночкина, прости, перегнул палку, — Ломов потянулся, дернул плечами, словно сбросил накотившее на него мальчишеское озорство. — Ладно, давай я тебя домой отвезу.

— Зачем?

— А ты перед генералом вот так хочешь предстать? — Ломов достал телефон, прочитал пришедшее сообщение и снова гаденько улыбнулся. — Он будет в отделении через час. И если ты не хочешь очередной выволочки, рекомендую прислушаться.

— Спасибо, товарищ прокурор, — я развернулась и потопала по тропинке, отправляя точку геолокации подполковнику Зорину, именно он с самого утра устроил мне выволочку, пригрозив служебной проверкой.

— Эй, майорша, подожди, — Ломов почему-то не спешил меня догонять, и причину я поняла слишком поздно. Украдкой обернулась, застыв от того, что наш бравый прокурор тащил за собой ещё одну добычу — незнакомый мне мужик брыкался, сопротивлялся и пытался вырваться, чем сильно злил Ломова.

А мне вдруг стало смешно... От холёного столичного прокурора остался только изрядно потрёпанный китель. Галстук торчал из кармана, белоснежная рубашка была неприлично глубоко расстегнута и выбилась из-за пояса брюк.

Изменилось и его выражение лица. Густая щетина не могла скрыть румянец, выступивший после погони. Естественно, кабинетный работник не часто бегает по полям. А нам, простым смертным, приходится и в засаде сидеть, и за обычными хулиганами гоняться.

Но я не буду жалеть этого хама, ведь он через пару часов отрапортует об успешном задержании и о неспособности Котёночкиной сделать это самостоятельно.

— Ой, майорша, по глазам вижу, гадости обо мне думаешь, — Ломов устал тащить мужика, остановился, встряхнул его, как щенка, а после содрал с куста развевающиеся гордым флагом мои разодранные чулки.

Чёрт... Мне вдруг стало так стыдно! Щеки запекло от румянца, но отвернуться или опустить взгляд мне не давало чувство собственного достоинства. На чулках не написано, что они мои!

Прокурорище обернулся, прошелся по моим голым ногам, не скрывая ехидной улыбки, и дернул бровью. Он ловко завернул руки задержанного за спину, завязал запястья чулком. Да с таким пафосом, что аж противно стало.

— Товарищ прокурор, очевидно, у нас есть проблема, — я поправила рубашку, затянула галстук, застегнула пиджак и расправила плечи, стараясь не думать о том, что у меня в голове куст гербария.

— Да? И какие?

— То, что вы теперь мой сосед, не дает вам никакого права нарушать дистанцию. Вы — прокурор! А я — обычный ВРИО начальника местного полицейского участка. И вообще, какого черта вы тут устроили? Гоняетесь за хулиганами, раздаете указания патрульным... Это не ваша работа! Или вы из тех, кто считает, что я ни на что не способна?

— Котёночкина, я из тех, кто прежде, чем сделать выводы, узнает человека, — Ломов не только мужика тянул, но и мне помог забраться на обочину трассы, где был припаркован его джип.

— Тогда я спокойна. Добросите меня до оцепления? — я старалась не смотреть на него, и за это просто ненавидела саму себя. — Там моя машина осталась.

— Твою машину пригонят, а ты поедешь со мной, — прозвучало как очередной приказ, к которым я уже стала привыкать.

Ломов забросил мужика на заднее сиденье, после открыл пассажирскую дверь, силой усадил меня в кресло, словно я тоже задержана его прокурорским величием. И когда я закинула грязные исцарапанные ноги, он открыл бардачок и вытащил оттуда наручники и зафиксировал свою добычу. Слава Богу, не меня...

— Сдадим его Булкину, а то твой обезьянник слишком долго пустует.

— Но...

— Котёночкина, считай, что я так извиняюсь за поведение своего сына. Тебе и правда лучше привести себя в порядок, прежде чем к тебе заявятся генерал и его свита. А этот будет моим подарком, — Ломов прыгнул за руль и резко стартанул, разворачиваясь через двойную сплошную.

— Ты кто? — я развернулась, пытаюсь рассмотреть физиономию преподнесенного «подарка». Но мужик был явно против, поэтому отворачивался.

Ну почему все это происходит со мной? Почему следователи не заметили парня в кустах, почему никто не побегал, а я понеслась, как чокнутая фанатичка своей работы?

Вот оно мне надо?

Вдруг мысли рассыпались под внезапным ощущением жжения на моей шее. Я на мгновение потеряла связь с вселенной, забыла, где я, почему послушно еду с тем, кого знаю всего сутки, но после повернула голову.

Источник моего дискомфорта слишком нагло пялился в моё декольте. А заметив, что пойман с поличным, и бровью не повёл, лишь вернул взгляд на дорогу, дабы не убить нас из-за чисто мужской похоти.

— Он торчал в кустах недалеко от схрона пиротехники и наблюдал, как ты пытаешься поймать того пацана. Кстати, кто он?

— Это Сева Крапивин, местный хулиган. Но я не уверена, что он причастен к ограблению фуры. Скорее, просто пришёл пожить халявой, — я вдруг словила неловкость. Сидела в салоне шикарной тачки, как оборванка. — Сейчас ждут грузоотправителя, чтобы провести опись и понять, сколько украдено.

— Придётся разобраться, Елена Павловна. Кому-то ты явно дорожку перешла...

Этот намёк был таким явным, что пропустить его мимо ушей было по меньшей мере глупо.

Он что-то знает... Но покрывая свою братию, прямо ничего не расскажет.

Я сразу позвонила Булкину и к моменту, когда мы подъехали к участку, тот уже стоял готовый принять задержанного. У Генки чуть глаза не выкатились, когда он увидел мой видок. А там было на что посмотреть!

— Я скоро вернусь. Запри его и глаз не спускай. Если удастся узнать имя — выпишу премию! — крикнула в открытое окно, когда Ломов уже направился в сторону дома.

Он торопился, проезжал на мигающий сигнал светофора, дав понять, что не шутил насчет проверки.

— Меня уволят? — собралась с силами и задала вопрос, что сейчас был куда важнее, чем красноречивые взгляды прокурора.

— Есть такая вероятность. Но ты можешь подумать, кому перешла дорогу, — к моему счастью, Денис отбросил свой издевательский тон и заговорил вполне серьезно.

— Ломов, ты видел мой участок? Нас там всего двое, а контингент преступлений состоит из хулиганов, зарвавшихся муженьков, решивших, что имеют право поколачивать жен, и залетных воришек. Ну, кому я могла перейти дорогу? — я с шумом сглотнула слюну, а Денис вдруг выудил из-под сидения бутылку воды и протянул мне.

— А Золотавин? Как так получилось, что ты задерживала моего предшественника?

И вот тут мне стало по-настоящему плохо... Вспомнился тот вечер, суматошный звонок моего начальника и объявленный план «перехват».

— Зорин отдал приказ, я его исполнила. В чем тут криминал? — отмахнулась и от Ломова с его вопросами, и от своих сомнений.

— Я, может, чего не понимаю в системе МВД вашего края, но с каких пор участковые участвуют в «перехвате»? — Ломов прищурился, словно убедился в своих мыслях. — Ты свою функцию выполнила, а теперь...

Договорить Ломову было не суждено, как только мы свернули в наш переулок, он ударил по тормозам, поднимая в воздух столбы пыли. По инерции я рванула вперед, но с силой врезалась во что-то упругое...

Но оказалось, что это была не панель, а рука Ломова. Он успел выбросить её, уберегая меня от очередной травмы.

— Ломов, ты что, сдурел? Твой сынок не добил, ты решил помочь ему? — я было подняла голову, но после замолчала, следя за его ошарашенным взглядом.

У белоснежного забора стояла высокая блондинка. И по мере оседания пыли видение не становилось более реальным. Наоборот... Дамочка была одета в крошечные джинсовые шорты, больше смахивающие на трусы, а её тонкий шелковый топ колыхался от ласкового ветра, подчеркивая пышную грудь и каменные соски.

Я даже зажмурилась, потёрла глаза, уже наплевав на остатки туши, не веря в реальность картинки. Девушка словно сошла с обложки модного журнала, смотрясь совершенно нелепо на фоне нашей улицы.

И можно было подумать, что дамочка заблудилась, перепутала адрес, город, страну... Если бы не счастливый Фёдор, что с нежностью терся щекой о её плечо.

Но было в этом нечто странное... Парень смотрел на неё, как на божество. А дамочка уставилась на Ломова. И взгляд её не сулил ничего хорошего.

— Кто это?

— Цыганка... Гадает на любовь и неудачу, — шикнул Денис и медленно тронулся, сокращая дистанцию.

Как только мы объехали раскидистую калину, картинка стала ещё более нелепой...

У ворот скучающе стояла Людмила, она уложила подбородник на штaketник, крепко сжимая засов калитки, будто грудью готова была защищать дом от нежданной гостьи. А на поленнице шелка семечки, разлегся Мотя, в отличие от других, на его лице был написан живой интерес.

Заметив меня, сын дернул плечами и рассмеялся, прокрутив пальцем у виска, а после одними губами произнес: «Чокнутые соседи!».

— Какого черта? — с этими словами Ломов выскочил из машины и бросился к сыну.

Мне стало так неловко, я аккуратно выбралась из салона, беззвучно закрыла дверь и двинулась вдоль забора, желая добраться до своего участка как можно быстрее и незаметнее.

И возможно, мне это даже удалось бы, не будь я любопытна от природы.

— Ломов. Вот тебе уже сорок, а мягче ты не становишься. Всё такой же грубый и неотёсанный солдафон, — блондинка вспорхнула с огромного чемодана так резко, что Федор не успел сгруппироваться и начал заваливаться на покотившийся с горки чемодан.

— Федя! — охнула Люся и проявила поразительную быстроту реакции. Она подпрыгнула, выбросила руку за забор и вовремя схватила парня за капюшон худи.

Но дамочка всерьез сконцентрировалась на прокуроре, что даже не заметила суеты за своей спиной. Изящно перекидывала длинные ножки, дефилируя к Ломову, как по подиуму. Улыбалась, слепя белоснежным фарфором, игриво хлопала ресницами, облизывала розовые губы... Она потянулась к нему, намереваясь поцеловать, но Денис довольно грубо отмахнулся от неё, как от навозной мухи.

— Зоя, ты потерялась, что ли? Или муж выгнал? — Денис присвистнул, осматривая огромный чемодан. — Ты не отчаивайся... Найди хорошего семейного психолога. Нам с тобой помогло.

— Это я потерялась? Нет... Это ты потерял стыд! — дамочка быстро сориентировалась, что тёплого приёма не будет, и перешла в наступление. — Какого черта я последней узнаю, что ты забрал сына и скрылся в какой-то дыре? Ты чокнулся? Ему год до института... И что? Кто будет готовить его к экзаменам? Твои легкодоступные доярки? — вдруг истеричка залетная перевела всю свою ярость на меня.

Её взгляд застал меня, когда я уже почти преодолела калитку Ломовского забора. Дамочка впиалась своими черными глазюками сначала в лицо, потом прошла по фигуре, останавливаясь на моих босых и грязных ногах...

А потом она цыкнула! Так презрительно, уничижительно, и отвела взгляд, ведь сразу поняла, что я ей не ровня и уж тем более не соперница.

— Это вы мне? — мгновенно отреагировала я, ощущая, как от злости вскипает кровь.

— Нет, что вы... — блондинистая дрянь снова взмахнула ресницами и одарила меня лживой улыбкой.

— Ты её вызвал? — Ломов двинул на сына, а тот вмиг сжался, становясь испуганным мальчишкой. От воинственного подростка не осталось и следа.

— Я не буду здесь жить, — проблеял парень, что ещё утром так смело размахивал кулаками.

— Это мой сын! — блондинка топнула ногой, но бросаться на защиту сына не решилась. — И вообще... Хватит тут устраивать концерт. Идём в дом и там спокойно обсудим, как мы будем жить дальше.

— Как что? Как МЫ будем жить дальше? — Ломов вдруг расхохотался, после чуть отодвинул меня в сторону, открыл калитку и втолкнул туда Федю. — Ты за порог моего дома уже никогда не переступишь... Забыла о предписании суда? У меня полная опека, и твоего мнения, Зоенька, уже лет семь никто не спрашивает. И если кто и думает о сыне, то это я...

Прокурорище был в ярости... Он стоял ко мне слишком близко, буквально плечом подпирал. Видела, как он напряженно растирает виски, будто о чем-то судорожно думает.

— Денис, ну все... К чему эта сцена? — дамочка схватила ручку чемодана и решительно двинула к калитке, явно не поверив в серьезность его слов. — Идём, хватит смешить доярок.

— Зоя... — Ломов не просто преградил ей путь, он и меня за собой потащил. Нагло уложил руку на талию, сгреб в объятия, выставив меня перед собой, а после рывком прижал спиной к своей груди. — У меня своя жизнь, а твоё присутствие нежелательно.

— Личная жизнь? — вдруг расхохоталась блондинка, закинув голову назад. — Это с этой, что ли?

— Притворись моей женой... И я решу вопрос с твоими недругами, — вдруг раздалось над ухом, а следом мужские сухие губы проскользили по нежной коже, запуская волшебство мурашей.

Они разрывающими снарядами рассыпались по шее, убегая прямиком в декольте. От неожиданности даже подкосились ноги, но Ломов только крепче прижал меня к своей груди.

— Соглашайся, майорша...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.